

**«ПОЛЬША - РОССИЯ:
ПАРАДИГМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ»**

**Международный научный семинар
молодых исследователей**

Опольский университет,
г. Ополе (Польша),
7 марта 2013 г.

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ

БЕЛГОРОД

2013 г.

УДК 008
ББК 71

Печатается по решению кафедры коммуникативистики,
рекламы и связей с общественностью
факультета журналистики Белгородского государственного
национального исследовательского университета

Ответственный редактор:

Полонский Андрей Васильевич,
доктор филологических наук, профессор кафедры коммуникативистики,
рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского
государственного национального исследовательского университета (г. Белгород, Россия).

Рецензенты:

Кожемякин Евгений Александрович,
доктор философских наук, заведующий кафедрой коммуникативистики,
рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского
государственного национального исследовательского университета (г. Белгород, Россия);

Перси Уго,
профессор, директор института славистики Бергамского университета (г.Бергамо, Ита-
лия);

Вельг Томаш,
доктор гуманитарных наук, доцент института восточнославянской филологии Опольского
университета (г. Ополе, Польша).

ISBN 978-5-98-242-180-7

Польша – Россия: парадигмы межкультурной коммуникации: Международный научный семинар молодых исследователей. Опольский университет (г. Ополе, Польша). 7 марта 2013 г.: Сборник научных работ / Отв. ред. А.В. Полонский. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2013. – 52 с.

Сборник подготовлен по материалам международного семинара молодых исследователей, который состоялся 7 марта 2013 г. в г. Ополе. Организаторами семинара были институт восточнославянской филологии Опольского университета и факультет журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Сборник адресован специалистам, чьи интересы лежат в сфере межкультурной коммуникации, культуры, литературы и современных масс-медиа.

Статьи публикуются в редакции авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
--------------------------	----------

UNIWERSYTET OPOLSKI

Laszczak W.	«Пульс истории бьётся в России»: Россия и мир в философских работах Елизаветы Скобцовой	5
Danecka N.	Hryhorij Skoworoda. Życie i twórczość	11
Wręczycki M.	Mikołaj II Romanow: wizerunek monarchy i człowieka w świetle jego dzienników	15
Zagrodnik D.	Liryka Michała Lermontowa w kręgu melancholii i miłości	18
Żółtowska J.	Ikonografia Andrieja Rublowa – przeszłość, teraźniejszość, przyszłość	22

БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Полонский А.В.	Межкультурный диалог в контексте глобальных тенденций современности	27
Андриевская Г.П.	Музыкальный текст и особенности языка его описания	31
Белоедова А.В.	Проблема межкультурной коммуникации в материалах общественно-политического журнала «Русский репортер»	35
Готадзе А.С.	Пресс-релизы государственных учреждений Великобритании как инструменты PR-коммуникаций	37
Григорова О.В.	Репрезентация мира «своих» в публицистике В.А. Пьецуха ...	41
Сазонова Э.О.	Предметно-тематическое своеобразие журналов «Студенческий меридиан» и «L.A. Youth»	44
Смородина М.А.	Блогосфера русской эмиграции: особенности топиков.....	48

В Опольском университете (г. Ополье, Польша) 7 марта 2013 г. состоялся международный научный семинар молодых исследователей *«Польша – Россия: парадигмы межкультурной коммуникации»*.

Семинар был организован институтом восточнославянской филологии Опольского университета (г. Ополье, Польша) и факультетом журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород, Россия) в рамках долгосрочной программы сотрудничества между двумя вузами-партнерами.

Рабочими языками семинара были польский и русский языки.

Участники семинара – магистранты и аспиранты института восточнославянской филологии Опольского университета и факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета (направление подготовки «СМИ и межкультурная коммуникация») – представили результаты своих научных исследований. В ходе научной дискуссии были рассмотрены проблемы, касающиеся различных аспектов межкультурной коммуникации, русской культуры и литературы, современных масс-медиа.

В качестве модераторов семинара выступили профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой русской литературы и культуры института восточнославянской филологии Опольского университета Ванда Лашчак и доктор филологических наук, профессор кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета Андрей Васильевич Полонский.

**«ПУЛЬС ИСТОРИИ БЬЁТСЯ В РОССИИ»:
РОССИЯ И МИР В ФИЛОСОФСКИХ РАБОТАХ
ЕЛИЗАВЕТЫ СКОБЦОВОЙ**

Елизавета Скобцова (1891-1945) – рождённая Пиленко, от первого мужа Кузьмина-Караваева, в монашеской жизни мать Мария – писательница, художница, автор философских статей, крупный культурный деятель, последние 13 лет жизни монахиня в миру, за помощь оказанную евреям погибшая в камере концлагеря в Равенсбрюк. В 2004 г. канонизирована православной Церковью.

Автор *«Равнины русской»* (1925 г.) родилась в Риге, в семье юриста Юрия Пиленко. Семья скоро переехала на юг, в Анапу, в родовое поместье, где отец занимался возделыванием винограда. Тут она провела безоблачное раннее детство. Но в 1906 г. вдруг умирает отец, и девочка соприкасается с первым страданием. *«Эта смерть никому не нужна. Она несправедливость. Значит, нет справедливости. А если нет справедливости, то нет и справедливого Бога. Если же нет справедливого Бога, то, значит, и вообще Бога нет»*¹. Таким образом она узнала, что в мире есть зло, горе и несправедливость.

Вскоре после смерти отца семья переехала в Петербург. Тут несколько лет она проучилась в гимназии, потом посещала т.н. Бестужевские курсы, где, между прочим, под руководством Семёна Франка и Николая Лосского изучала философию. Посещая литературные кафе, она встретила Блока. Очарованная его поэзией, она показала ему свои первые стихи, в которых рассказывает о своём мрачном, истинно «декадентском» настроении и о «рыжем петербургском тумане». Он дарит ей своё стихотворение:

*Когда вы стоите на моём пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите всё о печальном,

Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту –
Что же, разве я обижу вас? (...)

Сколько не говорите о печальном,
Сколько не размышляйте о концах и началах,
Всё же я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.*

¹ Е.Ю. Кузьмина-Караваева, *Встречи с Блоком*, [в:] Е.Ю. Кузьмина-Караваева, *Равнина русская. Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма*, составитель, автор вступительной статьи и примечаний А.Н. Шустов, Санкт-Петербург 2001, с. 618.

*И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и небе.²*

Рождённое в те дни чувство целомудренной любви к поэту она пронесла через всю свою жизнь. Свою любовь к Блоку она считала необходимой ему; она была готова жертвовать собой ради него, спасти его, взять на себя его бремя, тяжесть, отдать за него душу свою. Блок был для неё знаком и центром России, помогающим понять её и полюбить. В эссе «*Встречи с Блоком*» она писала:

«Кто вы, Александр Александрович? Если вы позовёте, за вами пойдут многие. Но было бы страшной ошибкой думать, что вы вождь. Ничего, ничего у вас нет такого, что бывает у вождя. Почему же пойдут? Потому, что сейчас в вас как-то мы все, и вы символ всей нашей жизни. Даже всей России символ. Перед гибелью, перед смертью Россия сосредоточила на вас все свои самые страшные лучи, - и вы за неё, во имя её, как бы образом её сгораете. (...) Таково ваше высокое избрание – гореть».³

В 1910 г. Елизавета Пиленко выходит замуж за Кузьмина-Караваева, думая – как полагают исследователи – спасти его от алкоголизма. Благодаря нему она входит в литературные салоны Петербурга и Москвы. Однако уже в 1912 г. они разводятся, и будущая писательница уезжает в Анапу, где в 1913 году она родила свою первую дочь - Гаяну (земная). Здесь же она интенсивно занимается поэтическим творчеством: в 1912 г. выходят «*Скифские черепки*», в 1916 – второй поэтический том «*Рут*».

С 1917 года она в вихре политики. Некоторое время была мэром Анапы, участвовала в подпольной деятельности против большевиков в Москве, наконец, была арестована (1919 г.). Ей угрожал расстрел, но приговор оказался мягким: две недели ареста. Председатель военного суда, Дмитрий Скобцов, перед которым она отвечала, стал в этом же году её мужем.

Летом 1920 года семья Скобцовых, как и многие русские семьи, покидает Россию. Началась эмиграция. В Париж они прибыли в 1924 г. (через Константинополь, южные славянские страны). Тогда у Скобцовых было уже трое детей и с ними была мать Елизаветы Юрьевны. Ситуация русских эмигрантов во Франции была очень сложной. Не было средств для жизни. Скобцова зарабатывала рукодельем: вышивала, шила куклы, пока муж не стал таксистом. О положении русских во Франции Скобцова писала:

«Во-первых, надо признать, что для огромного большинства наша судьба оказалась совершенно невыносимой. Люди, очутившиеся вне всяких внешних принуждений и рамок, в случае если ими не владела какая-либо огромная идея, какая-либо всепоглощающая вера, просто как бы таяли в воздухе. Какой-то процент эмиграции медленно и не очень успешно вклинивался в чужой быт. Это все те, кто поставил основной задачей устроиться, получить своё маленькое место в чужой жизни. Они усиленно стремятся воплотиться в чужую плоть, стать гражданами второго сорта стран, их приютивших. Для них вся пережитая катастрофа – некое жизненное, не очень понятное недоразумение. Никаких духовных откровений она им не дала»⁴.

² А. Блок, *Когда вы стоите...*, [в:] А. Блок, *Избранное*, предисловие и примечания Вл. Орлова, Москва 1969, с. 36.

³ Е.Ю. Кузьмина-Караваева, *Встречи с Блоком*, [в:] Е.Ю. Кузьмина-Караваева, *Равнина русская...*, с. 632.

⁴ Мать Мария, *Испытание свободой*, [в:] Мать Мария, *Жатва духа*, вступительная статья Г.И. Беневица, составление, подготовка текстов, примечания А.Н. Шустова, Санкт-Петербург 2004, с. 429-430.

В этих сложных условиях она скоро возвращается к литературной деятельности. Пишет повести: «*Равнина русская*» и «*Клим Барынькин*», где разработана тема революции и гражданской войны.

В марте 1926 г. её постигает несчастье – смерть четырёхлетней Насти. В минуты этого отчаянного страдания она поняла, что:

«О чём и как не думай, - большего не создать, чем три слова: любите друг друга, только до конца и без исключения, и тогда всё оправдано и вся жизнь освящена, а так мерзость и тяжесть»⁵.

Потеря ребёнка указала ей на новые горизонты материнства.

«И вот, когда я шла за гробом по кладбищу, в эти минуты со мной это и произошло – мне открылось другое, какое-то особое, глубоко-широкое всеобъемлющее материнство... Я вернулась с кладбища другим человеком... Я увидела перед собою новую дорогу и новый смысл жизни: быть матерью всех, всех, кто нуждается в материнской помощи, охране, защите»⁶.

Она решила вступить на путь покаяния и очищения. Она смиряется до земли: принимает волю Господа Бога, и, следуя своему новому призванию, готовится к постригу. 1926-1932 – это годы её возвращения в Церковь, усиленного труда на культурном, общественном и литературном поприщах. Она участвует в РСХД, оказывая всестороннюю помощь не только студентам, но и всей русской эмиграции. Она, как и многие, верила, что большевизм падёт, и скоро откроется дверь в Россию. Нужно только к этому времени подготовить религиозно-интеллектуальные кадры для христианской деятельности в стране. По её мнению на эмиграции лежала задача духовного спасения России, отпавшей от Бога в условиях большевистской пропаганды.

С помощью своего духовного отца – Сергея Булгакова – она, наконец, поняла, что её призвание – монашеский сан. Получив церковный развод с мужем (это они решили вдвоём), в 1932 г. она принимает постриг. Но Елизавета Скобцова избирает монашество в миру – не за стенами монастыря спасти себя одну хотела она, а спасти людей от земных бедствий:

«Путь к Богу лежит через любовь к человеку, и другого пути нет... На страшном суде меня не спросят, успешно ли я занималась аскетическими упражнениями и сколько я положила земных и поясных поклонов, а спросят: накормила ли я голодного, одела ли голого, посетила ли больного и заключённого в тюрьме. И только это спросят»⁷.

В 30-х гг. она видела как на Западе, так и на Востоке триумф тоталитарных, безбожных идеологий. Чтобы с ними бороться, христиане – по ее мнению – должны гореть пламенем веры. «*Христианство огонь – или его нет*»⁸ – говорила. Её волновала вялость христиан и пассивность в виду зла.

«Мир во зле лежит», а «Все лишены сейчас подлинного религиозного горения, всё тлеет, всё дымит кругом»⁹.

Сама Мать Мария горела подлинной любовью к людям и к Богу, постигая в себе *богочеловечество*. И сгорела она в самом прямом смысле слова в газовой

⁵ Цит. по: В.Н. Осьмаков, *Жизнь – подвиг*, [w:] Е.Ю. Кузьмина-Караваева, *Избранное*, вступительная статья, составление и примечания Н.В. Осьмакова, Москва 1991, с. 11.

⁶ Т. Манухина, *Монахиня Мария*, [v:] Е.Ю. Кузьмина-Караваева, *Избранное...*, с. 420-421.

⁷ К.В. Мочульский, *Монахиня Мария Скобцова*, цит. по: Н.В. Осьмаков, ук. соч., с. 13.

⁸ Цит. по: С. Гаккель, *Мать Мария*, Москва 1993, с. 67.

⁹ Мать Мария, *Под знаком нашего времени*, [v:] Мать Мария, *Жатва духа...*, с. 423.

камере крематория, заменив за несколько дней до освобождения концлагеря молодую еврейку.

В творческой биографии Скобцовой важное место занимают философские статьи, посвящённые судьбе России и мира, в частности Европы. Она знала Россию, знала и Запад. Это давало ей право говорить об их судьбах. Рассуждения об этих вопросах возникали на материале исторических событий, связанных с первой мировой войной, русской революцией и второй мировой войной. Скобцова, как и многие её современники, заметила, что вместе с этими событиями в истории мира начался новый период: исторический процесс идёт под знаком трёх тоталитаризмов: большевистского, фашистского и расистского.

Существенным для неё оказывается вопрос: Каким окажется будущий мир? Ответом на него является следующий вопрос: Какой окажется большевистская Россия – арена ненависти к человеку и Богу? В своём эссе *«Изучение России»* (1927) она доказывает, что судьба Европы зависит от того, в каком направлении пойдут дела в России. Пишет: *«Каждый вдумчивый человек ощущает, что пульс истории бьётся именно в России, что там, как нигде в мире дано реальное присутствие Бога и дьявола, и великая борьба между добром и злом»*¹⁰. Обращаясь к эмигрантам, она пишет: *«Мы призваны принять участие в этой борьбе, и мы обязаны подготовить себя к ней»*¹¹. Эта борьба, по мнению писательницы, должна помочь России исполнить её провиденциальную роль в истории мира. В статье *«Российское мессианское призвание»* (1931) она отчётливо формулирует понятие *мессианство*, отличая его от понятия *миссия*:

«Миссия какого бы то ни было народа есть историческое призвание, которое ему надлежит осуществить. (...) у каждого исторического народа есть своя миссия.

*Мессианство определяет собой пересечение двух планов – божественного и тварного, момент воплощения божественного начала в тварном мире. Израиль, воплотивший Христа, Богочеловека, (...) именно только поэтому был мессианским народом. Богочеловек – вот плод израильского мессианизма»*¹².

В дальнейшем Скобцова подчёркивает, что воплощение Богочеловека, Христа, предопределило идею Богочеловечества. *«Как Сын Божий воплотился в человеке Иисусе и явился нам одним Богочеловеком, так и во всём человечестве должно быть явлено (...) Богочеловечество»*¹³. Писательница стремится доказать, что мессианская функция лежит на двух народах: на израильском, который дал миру Мессию, Иисуса Христа, и на русском, который должен привести всё человечество к Богочеловечеству. Израиль был во всей своей истории народом-богоносцем – нёс Бога, ждал Мессию. Таким же, по её мнению, оказывается и русский народ-богоносец; его мессианское самосознание тоже формировалось веками, что выявлено на страницах истории и культуры России. Её роль – заведение новой, преображённой и богоносной культуры в мире.

Проведя анализ современной ситуации в Европе, Скобцова выказывает своё отношение к трём видам тоталитаризмов: коммунизму, фашизму и расизму. Атрибутами коммунизма она считает: отрицание индивидуализма, борьбу с

¹⁰ Мать Мария, *Изучение России*, [в:] *Жатва духа...*, с. 394.

¹¹ Там же.

¹² Мать Мария, *Российское мессианское призвание*, [в:] Мать Мария, *Жатва духа...*, с. 353, 354.

¹³ Там же, с. 354.

идеологическими противниками, культ вождя и силы, единственное мировоззрение. Коммунизм, по её мнению, – это не столько политически-экономическая система, сколько «вульгарная религия», имеющая свои «догмы», целью которой является унификация всех сфер жизни. Сопrotивление ему считается недопустимым еретическим актом. Коммунистические догмы считаются тоже единственной тоталитарной правдой, а всё остальное надо уничтожить и искоренить. Пишет: *«Коммунизм держится лишь на том, что даёт, пусть отравленное, питание жажде человека иметь целостное религиозное мирозерцание»*¹⁴. В интерпретации Скобцовой коммунизму свойствен пафос «чёрной религии», который разжигает «интегральную ненависть», строит «чёрную церковь», члены которой глубоко верят, что Россией правит человекобог, - предвиденный Достоевским, который объявил войну Богочеловеку и Богочеловечеству. Борьба с коммунизмом должна проходить не милитарным путём, а при помощи духовных средств. Зло коммунизма может проиграть только лишь в конфронтации с исповедующими Христа, осведомлёнными, что бой идёт не против «крови и не против плоти», а против сатанинских сил ада.

Фашизм похож по своей идеологической направленности на коммунистическую доктрину: здесь тоже культ вождя, враждебное отношение к личности, свободе, умственной самостоятельности, здесь тоже приоритет силы над законом, принуждённость и насилие. Основная разница между расизмом, тоталитаризмом гитлеровским и сталинским состоит в том, что цель немецкого диктатора – отдать всех в плен высшей расы; советский же – в своих доктринальных предпосылках – стремится, по мнению Скобцовой, к освобождению всех народов от притеснителей, от «врагов народа». Альтернативной политической системой по отношению к тоталитарной Скобцова считает демократию. Но и она находится в кризисе. Её слабость – оторванность от христианских корней; Европа, по её мнению, утратила свой духовный центр. Она пишет:

*«...как каждый отдельный человек в демократии представляет собою механическое соединение случайных и часто противоположных начал, так и общее дело демократии существует как бы без позвоночника ... и вместе с тем без определённо обозначенных границ. Отсюда легко понять, что в конце концов и тут по-Смердяковски «всё позволено». Правда, по другим мотивам, чем в тоталитарных мирозерцаниях; там – мне закон не писан, потому что я сам закон, я высшая мера вещей, тут – потому что вообще нету незыблемых законов, нету никакой меры вещам, всё относительно, всё зыбко, условно, всё поддаётся лишь одному критерию текучих и быстро изменяемых интересов. Всё позволено потому, что всё относительно и не очень-то уж и важно. (...) Может быть, даже довольно естественно, что при этом отсутствии каких бы то ни было высших ценностей оказывается, что высшая ценность – это моё маленькое благополучие, мой маленький (...) эгоизм»*¹⁵.

Если тоталитаризм возбуждает ужас, демократия удручает отсутствием своего выразительного духовного облика, скукой своего маленького «мещанского счастья». Не может существовать мир, построенный на эгоизме и заботе о земном. Он рухнет – утверждает Скобцова.

В *«Рассуждениях о судьбах Европы и Азии»* (1941) в связи с событиями второй мировой войны, Скобцова подчёркивала, что европейская политика за-

¹⁴ Мать Мария, *Картина мира*, [в:] Мать Мария, *Жатва духа...*, с. 448.

¹⁵ Там же, с. 453-454.

воеваний не нова. Она напоминает колонизацию Индии, эксплуатацию Китая. Европа давно идёт по пути насилия и агрессии. Она с ужасом констатирует, что Старый Континент на протяжении 25 лет (1914-1939) второй раз пускает в мир машину смерти. Германия, страна Моцарта, Гёте, Шиллера находится в плену у «параноика-Гитлера». Под воздействием какого-то общего гипноза обрекает себя на подчинение воле одного носителя национального гения. Она пишет: *«Единственный вождь избранный вобрал в себя живую душу своего народа. (...) Во главе племени избранных, во главе расы господ стоит параноик, место которого в палате сумасшедшего дома»*¹⁶.

В руках этого „бешеного человека” немецкое государство стало похожим на апокалипсического зверя. Немецкий народ в его руках мёртв и ничего живого Европе и миру дать не может. Он ей несёт только смерть. Европа умирает. А Россия? Логический анализ ситуации в России приводит писательницу к таким же катастрофическим констатациям. Её страна тоже виновата в военных действиях. И она должна за это расплатиться. Но именно Россия – по мнению Скобцовой – выйдет из этой войны победительницей. Это она – Россия – победит *«последнюю силу умирающей Европы»* - гитлеровских немцев. И ставит вопросы: Значит ли это, что ей и только ей принадлежит завтрашний день истории? И второй вопрос: Что несёт с собой этот будущий победитель мира? Чтобы ответить, она рассматривает два явления: тоталитаризм и советское ударничество труда.

Сталинский тоталитаризм опасен миру. Если принять, что это единственный аспект русской жизни, судьба мира страшна: вместо подчинения Гитлеру, народы Европы ждёт подчинение Сталину. Вместо шпицрута – кнут. *«Всё то же, только пострашнее»*. Но в русском народе жив ещё один важный источник силы: соборная душа народа. По Хомякову *соборность* это способность к *всеединству*, чуждому западному индивидуализму и рационализму. Соборная душа умеет гармонически соединить в себе принцип свободы и единства (это гарантирует любовь). Личность узнаёт истину тогда лишь, когда она в любви присоединяется к Церкви.

Именно на соборность рассчитывает писательница. В ней видит она надежду на спасение и своей страны, и Европы. Она, конечно, знает, что Церковь подавлена в России, и что атеистическая пропаганда уничтожила в её стране всякие аспекты религиозной жизни. Но Скобцова верит, что соборный дух русского народа тайно возрождается и проявляет себя в необыкновенном явлении *ударничества труда*. Ударничество труда, по мнению Скобцовой, уже показало, что молодые парни и девушки с энтузиазмом и спонтанно, искренне и единодушно соревнуются в производстве, достигая высоких и неслыханных рекордов. В таком непринуждённом труде Скобцова видит проявление инстинкта соборного братства. Этот инстинкт должен инспирировать движение в направлении религиозного обновления. Этот процесс приведёт к падению коммунизма и воскрешению русского народа. Скобцова, вслед за Достоевским и Соловьёвым, верит в особое призвание русского народа: он богоносец, и он в

¹⁶ Мать Мария, *Рассуждения о судьбах Европы и Азии*, [в:] Мать Мария, *Жатва духа...*, с. 487-488.

сфере духовной сам победит коммунизм. Воскресшая Россия принесёт всем народам мира свободу, мир и любовь.

Политический прогноз Скобцовой оказался правильным только частично. Россия победила в войне гитлеровских немцев, но на послевоенный порядок дел, как нам уже давно известно, влияли, прежде всего, Америка и Европа. Коммунизм также пал, но разве произошло это в силу воскрешения соборного духа русского народа? Наш мир хорошо знает инспираторов благих перемен в Европе, символом которых является берлинская стена. Это польская «Солидарность» и подвиги папы Иоанна Павла II. Ошибалась ли писательница, предсказывая конец европейской цивилизации? Пытаясь ответить на этот вопрос, достаточно послушать голоса социологов, патологов, культурологов, чтобы убедиться в том, о чём говорят уже открыто не философские пророчества, а математические вычисления и данные, и что Патрик Буханан называет «смертью Запада»¹⁷ и приближением доминирования азиатской культуры.

Вслед за Бухананом у нас тоже напрашивается вопрос: найдёт ли Европа в себе силы и волю спасти свою цивилизацию? Этот вопрос остаётся открытым так же, как и другой: не ошибалась ли Скобцова в своих надеждах на то, что русский народ – „мессианский народ” и что именно ему принадлежит миссия явления миру Богочеловечества? Ответы, конечно, впереди.

N. Danecka

HRYHORIJ SKOWORODA. ŻYCIE I TWÓRCZOŚĆ

Hryhorij Sawycz Skoworoda urodził się 3 grudnia (22 listopada) 1722 r.¹⁸ w Czornuchach na Połtawie (Lewobrzeżna Ukraina) zmarł 9 listopada (29 października) 1794 r. Dorastał w atmosferze poszanowania kultury, historii oraz języka kozackiego.

Skutkiem buntów kozackich oraz wojen w II połowie XVII stulecia było podzielenie Ukrainy między Polskę i Rosję. Ludność ukraińska w owym czasie przelewała morze krwi we wszystkich możliwych wojnach, starciach, bitwach i potyczkach. Kozacy walczyli u boku Polaków, Tatarów oraz Rosjan jednak poświęcenie nie przyniosło pozytywnych rezultatów, to naród walecznych, niebojących się śmierci wojowników. Byli podziwiani przez wszystkich ówczesnych możnych, chętnie wykorzystywani przez władców do własnych celów, jednak po wygranej bitwie stawali się niepotrzebnym, ciężącym balastem (przecież ten balast pragnął niepodległości - czego żadne państwo nie pochwalalo), pozostawieni samym sobie w (często) nierównej walce wobec nieprzyjaciela, (którym był z różnym nasileniem: Tatar, Polak, Rosjanin, Turek) chętnie walczyli z okupantem. W 1775 r. Katarzyna II ogłosiła likwidację Siczy Zaporoskiej a nawet zakaz używania nazwy Kozacy Zaporoscy.

¹⁷ P.J. Buchanan, *Śmierć Zachodu*, przekład D. Konik, J. Morka, J. Przybył, Wrocław 2005.

¹⁸ Л. Ушкалов, *Григорій Сковорода повна академічна збірка творів*, Харків 2011, стр. 9.

Hryhorij Skoworoda rozwijał swoje literackie rzemiosło w czasie napięć społeczno-politycznych. Kształcił się w Akademii Kijowsko-Mohylańskiej (studiował tam łacinę, grekę, hebrajski, niemiecki, poetykę, matematykę, nauki przyrodnicze oraz teologię) swoją edukację uzupełniał podróżami po krajach Europy (m.in. Polsce, Niemczech i Węgrzech). Po powrocie do kraju zaczął pracę jako profesor w Kolegium Perejasławskim¹⁹, niestety z powodu oryginalnego i nieakceptowanego sposobu nauczania został zwolniony. Niestrudzony niepowodzeniem naucza przez dziesięć kolejnych lat w Kolegium Charkowskim, wykłada grekę, etykę i poetykę²⁰. Także tutaj dochodzi do częstych konfliktów z przełożonymi, dlatego Skoworoda postanawia rozpocząć nowe życie, jako wędrowny filozof, nauczyciel-moralista oraz poeta-pieśniarz. Od 1766 roku aż po kres swych dni przemierza wioski i miasteczka w chłopskim ubiorze, z kijem i torbą, w której miał swoje rękopisy. Swoją postawą rozpowszechniał własne poglądy życiowe, społeczne oraz filozoficzno-religijne. Bronił słabszych i biednych, natomiast krytykował wyższe stany oraz nierówność społeczną. Światopogląd wieszczca wyrastał z haseł Oświecenia europejskiego²¹. Koniec życia Skoworody był zaskakujący, na trzy dni przed śmiercią udał się do jednego ze swoich najbliższych przyjaciół z zamiarem zostania tam na stałe. Codziennie rano wychodził, aby kopać sobie grób. Trzeciego dnia po uczcie czując zbliżający się koniec, udał się do jednego z pomieszczeń domu przyjaciela, położył się i umarł. Na jego nagrobku znajduje się napis, który kazał wyryć: *Świat łowił mnie, ale nie pojmał*.

Skoworoda był pierwszym ukraińskim poetą lirycznym. Jego wiersze uwydatniają wewnętrzne przeżycia, myśli i uczucia. Godne uwagi są opisy przyrody ojczyzny w zbiorze poezji pt. *Ogród pieśni nabożnych*. Powstały one w latach 1753-1783²².

W niektórych utworach poeta sięga do motywów z Owidiusza, Horacego i Wergiliusza. Wspomniany zbiór obejmuje ody, liryki, pieśni historyczne oraz okolicznościowe wiersze patriotyczne. Skoworoda zastosował w nim nowe zasady poetyki. Twórczość ta zamknęła okres baroku w literaturze ukraińskiej i zarazem otworzyła drogę twórcom nowożytnego piśmiennictwa²³.

Cykl *Bajek charkowskich* to następna ważna pozycja w dorobku Skoworody. Każdy utwór to mini traktat moralizatorski, ukazany w formie niepoetyckiej, który – zgodnie z duchem oświecenia – miał kształcić i wychowywać odbiorcę. Cykl ten został napisany w 60. i 70. latach XVIII w. Pierwsze piętnaście bajek Skoworoda stworzył, kiedy opuścił Kolegium Charkowskie. Pozostałych piętnaście zostało ukończonych we wsi Babai w 1774 roku²⁴.

Skoworoda wiele miejsca poświęcił zagadnieniu wolności, uważał ją za najwyższy dar człowieka. Jako potomek Kozaków dążących do autonomii, w swoich utworach opiewał swobodę oraz dążył do wyzwolenia się od krępujących zależności, czyli woli cara, który ograniczał swobody i prawa nawet wędrujących diakonów i

¹⁹ W. Mokry, *Od Ilariona do Skoworody. Antologia poezji ukraińskiej XI-XVIII w.*, Kraków 1996, s. 102.

²⁰ B. Mucha, *Zarys literatury ukraińskiej i białoruskiej*, Piotrków Trybunalski 200, s. 58.

²¹ Tamże, s. 59.

²² W. Mokry, *Od Ilariona do Skoworody. Antologia poezji ukraińskiej XI-XVIII w.*, Kraków 1996, s. 341.

²³ B. Mucha, jak wyżej, s. 58.

²⁴ <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=1000108>

pieśniarzy. Udało mu się to osiągnąć, o czym świadczy przywoływane już wyznanie ze schyłku życia: *Świat łowił mnie, ale nie schwytał*. Wiersz *De libertate* to swoiste credo poety:

*Cóż to jest ta wolność? I dobro w niej jakie?
Z takim jak o złocie mówią o niej smakiem.
Nie jest ona złotem: gdy postawić złoto
Tuż obok wolności, jest ono jak błoto.
Oj, żeby się tylko z durniami nie zgadać.
I tak onej wolności własnej nie postradać.
Sławny bądź na wieki, mężu nasz wybrany,
Ty wolności ojczy, herosie Bohdanie.*²⁵

Jak widać, w utworze tym złożył również hołd hetmanowi Bohdanowi Chmielnickiemu – bojownikowi o wolność Ukrainy.

Skoworoda był jednak przede wszystkim filozofem, stworzył swój własny system filozoficzny. Podstawą jest teoria o współistnieniu trzech światów: mikro- i makrokosmosów oraz świata symbolicznego, zawartego w Biblii²⁶. Poeta w dużej mierze odczytywał Biblię krytycznie i sceptycznie, a postawa ta doprowadziła go do stworzenia nowej wizji świata. Panuje w nim miłość Boga, a także idealny etycznie człowiek. Aby osiągnąć doskonałą postawę etyczną należy – według Skoworody - przejść drogę samopoznania, czyli: „zdolności obserwowania i analizowania własnych zachowań i wewnętrznego świata myśli i uczuć²⁷”, która jest zarazem punktem zrozumienia istoty rzeczy, czyli: „w filozofii istota ma być samym sednem rzeczy, ich prawdziwą naturą, wiedzą, która wydaje się osiągalna, jeśli tylko jeszcze trochę wgłębimy się w poznanie świata. W prostszej wersji istota bytu to to, co sprawia, że byt jest taki jaki jest, albo że w ogóle jest²⁸”. Wspaniale opisał to Skoworoda w dialogu pt. *Narczyż. Dyskurs na temat: poznaj samego siebie*:

Jeśli chcemy zmierzyć niebo, ziemię i morza, winniśmy najpierw zmierzyć samych siebie... naszą własną miarą. Kiedy nie znajdziemy swej wewnętrznej miary, to czymże wówczas możemy mierzyć? A gdy nie wymierzimy wprzód siebie, to jakąż korzyść ma znajomość miary innych stworzeń? I czy jest to w ogóle możliwe?²⁹

Ziarno i koło to dwa symbole będą w centrum systemu filozoficznego Skoworody. Koło symbolizuje zamknięty mikrokosmos „nieskończony początek i koniec bez początku zaczynając kończy, kończąc zaczyna³⁰”, natomiast ziarno to zmienna, którego istota wciąż żyje nawet, jeżeli obumiera zewnętrzna natura, z której formuluje się nowe źdźbło. Jest to wiara w wieczność materii znajdującej się w odwiecznej zmienności natury, która rozwija się i żyje tworząc zamknięty okrąg.

²⁵ W. Mokry, *Akademia Kijowsko-Mohylańska szkołą baroku ukraińskiego i nowożytnej literatury rosyjskiej*, [w:] *Krakowskie Zeszyty Ukrainoznawcze t. I-II*, Kraków 1993, s. 35.

²⁶ W. Mokry, *Od Ilariona do Skoworody. Antologia poezji ukraińskiej XI-XVIII w.*, Kraków 1996, s. 341.

²⁷ B. Dawidowska-Langer, *Samopoznanie, samoocena i samorealizacja jako podstawowe formy świadomej aktywności nauczyciela w dążeniu do doskonalenia pracy zawodowej*, http://zes.pbw.waw.pl/readarticle.php?article_id=13.

²⁸ <http://www.synonimy.proffnet.com/istota.html>

²⁹ W. Mokry, jak wyżej, s. 103.

³⁰ Tamże, s. 103.

Dusza i przyroda uczestniczą w ustawicznej ciągłości a odnowa realizuje się na podobieństwo ziarna opisanego w Ewangelii według św. Jana: „Zaprawdę, zaprawdę, powiadam wam: Jeżeli ziarno pszenicy wpadłszy w ziemię nie obumrze, zostanie tylko samo, ale jeżeli obumrze, przynosi plon obfity³¹” (J.12, 24). System ten przypomina fragment Księgi Rodzaju, kiedy to Bóg po upadku pierwszych ludzi wygania ich i mówi na koniec do Adama: „bo prochem jesteś i w proch się obrócisz!³²” (Rdz.3), czyli powrotu do początku ludzkiej podróży. Jednak tylko ciało obumiera, dusza żyje nadal i odnawia się tak, jak nowe źdźbło u Skoworody³³. Według filozofa, śmierci rozumianej, jako niebytu nie ma:

Istnieje jedynie powrót każdego człowieka, każdej istoty do swego początku, do swego niebytu; w przyrodzie wszystko się starzeje, zmienia się; tylko duch, Bogoczłowiek jest wieczny; nie umiera, lecz zmienia się od śmierci do życia, od rozkładającego się bytu do bytu stałego, wiecznego³⁴.

Podsumowując: Hryhorij Skoworoda to pierwszy ukraiński liryk, pierwszy filozof gruntownie znający Biblię oraz europejskie systemy filozoficzne, piewca wolności i miłości, jako esencji idealnych etycznie postaw ludzkich, do jakich – w duchu oświecenielskim – zachęcał swoich rodaków.

Biblię Skoworoda rozumiał, jako symbol znaków przy pomocy, których człowiek może pełniej rozumieć siebie i świat zewnętrzny. Jego traktaty filozoficzne, wiersze i bajki stworzyły pomost pomiędzy piśmiennictwem średniowiecznym a nowożytną literaturą ukraińską XIX wieku. Wielu późniejszych twórców nawiązywało do twórczości Skoworody, m.in. Taras Szewczenko, Lesia Ukrainka, Iwan Dracz (*Czas*), Paweł Tyczyna³⁵.

Аннотация

Григорий Савич Сковорода родился 3 декабря (22 ноября) 1722 года в селе Чернухи Полтавской губернии. Он вырос в атмосфере уважения к культуре и истории казачества. Учился в Киево-Могилянской академии, свое образование дополнял путешествиями в страны Европы (побывал в Польше, Германии, Венгрии, Австрии).

После возвращения в Украину преподавал в Переяславкой семинарии и Харьковском Коллегиуме. За неортодоксальные мысли, к тому же истолкованные в превратном смысле, был присужден к отречению от должности. Поэтому в последующие годы Сковорода принял решение начать новую жизнь в качестве странствующего философа и поэта-баснописца, посвящая свое время проповедованию нравственности.

Г. Сковорода был одним из первых украинских поэтов, основателем пейзажной лирики. Его стихи гармоничны, просты, подчеркивают внутренние мысли, переживания. Описания природы родного края, истории и жизни его народа стали основой знаменитого сборника «Сад божественных песен». Создавался он на протяжении тридцати лет с 1753 по 1783 г. Он оказался также весьма талантливым баснописцем. Создал сборник «Басни харьковские». В этих баснях автор выступал как новатор, который расширяет идейно-тематические горизонты басни, выводит ее на путь самостоятельного развития. С помощью басни он высказывал и пропагандировал свои общественно-политические и философско-этические взгляды.

³¹ *Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu*, red. K. Dynarski, Poznań-Warszawa 1990, s. 1231.

³² Tamże, s. 27.

³³ W. Mokry, jak wyżej, s. 103.

³⁴ Tamże, s. 103.

³⁵ M. Jakóbiec, *Literatura ukraińska*, [w:] *Dzieje literatur europejskich*, red. W. Floryan, Warszawa 1989, s. 484.

Сковорода был, прежде всего, философом, который создал свою собственную философскую систему, характерными чертами которой является диалогическое построение высказывания и образно-символический стиль мышления. Саму философию мыслитель понимал как мудрость, как жизнь в истине, которая построена на принципах его учения. Главным в учении Г. Сковороды является его концепция о двух натурах и трех мирах - макрокосма (вселенная), микрокосма (человек) и «символический мир», связующей большой и малый миры (содержащиеся в Библии). Каждый из этих миров состоит из «двух естеств» — видимой и невидимой (божественной), материи и формы.

Древняя украинская литература была неисчерпаемым духовным источником для следующих поколений, а Сковорода – своеобразным мостом между древней и новой украинской литературой. К творчеству великого философа обращались многие уже более поздние авторы такие, как: Тарас Шевченко, Леся Украинка, Иван Драч, Павло Тычина.

M. Wręczycki

MIKOŁAJ II ROMANOW: WIZERUNEK MONARCHY I CZŁOWIEKA W ŚWIETLE JEGO DZIENNIKÓW

Mikołaj II, z Bożej łaski imperator i samodzierzca Wszechrosji, Moskwy, Kijowa, Włodzimierza i Nowogrodu, król Polski, car Kazański, Astrachański, car Syberyjski, car Chersonezu Taurydzkiego, władca Pskowa, Wielki Książę Smoleński, Litewski, Wołyński, Podolski i Finlandzki, książę Estoński, Liwoński, Kurlandzki i Semigalski, Białostocki, Karelski, Ugryjski, Permski, Wiacki, Bułgarski oraz wielu innych krajów, władca i Wielki Książę terytorium Nowogrodu Niżniego, Czernichowa, Riazania, Połocka, Rostowa, Mścislawia, pan ziem północnych, władca krajów Iwerii, Kartalinii, Gruzji, Kabardy, Armenii, władca dziedziczny i suweren książąt czerkieskich, górskich oraz innych, dziedzic Norwegii, Wielki Książę Szlezwika-Holsztynu, Stormanii, Dittmarsenu i Oldenburga etc. etc. etc.

Ta długa i niemożliwa do wypowiedzenia jednym tchem litania tytułów, może dać pewne pojęcie jedynie o tym jak rozległym, różnorodnym i potężnym krajem władał ostatni Car Rosji, jednak nie mówi nic o nim samym, jakim był człowiekiem ani jakim władcą. Mikołaj II Romanow był jedną z najważniejszych i mających największy wpływ na historię najnowszej postaci. W końcu to jego rzekomo mierne rządy i brutalność miały być usprawiedliwieniem bolszewickiego przewrotu i utworzenia sowieckiego reżimu, który istniał przez ponad siedemdziesiąt lat. Jak twierdzi Jan Sobczak w monografii poświęconej ostatniemu z carów: «(...) *nie było w dziejach Rosji postaci poza (...) może jeszcze Lwem Trockim w okresie stalinizmu, której by tak nie oczerniano i nie starano się poniżyć, ba – wprost zohydzić w oczach współczesnych*»³⁶.

Wobec powyższego Mikołaj II był postacią bardzo zmitologizowaną i powszechnie uważano go za człowieka słabego, który doprowadził istniejące 196 lat Imperium Rosyjskie do upadku i zakończył tym samym trwające od 304 lat rządy

³⁶ J. Sobczak, *Mikołaj II – ostatni car Rosji*, Warszawa 2009, s. 11.

rodziny Romanowów w Rosji. Efekty siedemdziesięciu lat manipulacji i dyskredytowania cara przez Bolszewików widoczne są nawet we współcześnie publikowanych opracowaniach historycznych, czego przykładem może być opinia profesora W. A. Serczyka: «*Ostatni panujący z dynastii Romanowów, Mikołaj II, nie zapisałby się zapewne niczym szczególnym w pamięci poddanych – był bowiem jednostką bezwolną i starał się unikać samodzielnego podejmowania poważniejszych decyzji – gdyby nie czas rewolucji oraz męczeńska śmierć poniesiona od kul oddziału żołnierzy podległych Uralskiej Radzie Delegatów Robotniczych, Chłopskich i Żołnierskich, działających najprawdopodobniej na rozkaz, który nadszedł z Moskwy*»³⁷.

Brak jednoznacznej oceny postaci historycznej powoduje, że staje się ona jeszcze ciekawsza i bardziej kontrowersyjna. Mikołaj II przedstawiany bywa skrajnie: jako miernota i krwio pijca lub zgoła inaczej – jako idealny władca. Ta druga tendencja widoczna była zwłaszcza w Rosji po rozpadzie ZSRR – idealizacja Mikołaja, wręcz jego kult, doprowadziły w 2000 roku do jego kanonizacji przez Rosyjski Kościół Prawosławny. Za świętych cierpiętników carskich uznano również najbliższą rodzinę Mikołaja³⁸ (ros. Царственные страстотерпцы – W prawosławiu tytuł świętego cierpiętnika nadawany jest człowiekowi, który poniósł śmierć lub cierpienia z powodów innych niż skutek bezpośrednich prześladowań chrześcijan, lecz w momencie tychże prześladowań czerpał siłę moralną z wiary)³⁹.

Mikołaj Aleksandrowicz Romanow urodził się 6 maja (18 maja wg nowego stylu) 1868 roku. Był najstarszym synem następcy tronu Aleksandra Aleksandrowicza Romanowa (od 1881 cara Aleksandra III) i Marii Fiodorowny, miał trzech braci: Aleksandra (zmarłego jako dziecko), Jerzego i Michała oraz dwie siostry Ksenię i Olgę. Aleksander Aleksandrowicz stwierdził: «*Chcę mieć zupełnie normalne rosyjskie dzieci, a nie cieplarniane roślinki*»⁴⁰ wobec czego Mikołaj i jego rodzeństwo wychowywani byli w prostocie, dyscyplinie i poszanowaniu dla rosyjskiej tradycji.

Dwudziestego października 1894 Aleksander III zmarł. Tego samego dnia Mikołaj został ogłoszony jego następcą i przyjął od członków najbliższej rodziny oraz obecnych w Liwadii urzędników i wojskowych przysięgę wierności. Tydzień po pogrzebie ojca, Mikołaj wziął ślub z Heską księżniczką Alicją, która po ślubie i konwersji na prawosławie przyjęła imię Aleksandry Fiodorowny.

Po objęciu tronu Mikołaj kontynuował konserwatywną politykę swojego ojca, jednak istnieją przesłanki by sądzić, że osobiste poglądy Mikołaja na sprawowanie władzy w Imperium były bliższe liberalnym zapatrywaniom jego dziadka, Aleksandra II. Z czasem jednak, uległ on wpływowi głównego ideologa rosyjskiego konserwatyzmu Konstantina Pobiedonoscewa i opowiedział się po stronie tradycyjnego samowładztwa. Siedemnastego stycznia 1895, w czasie spotkania z

³⁷ W. A. Serczyk, *Romanowowie*, [w:] *Dynastie Europy*, red. A. Mączak, Wrocław 1997, s. 286.

³⁸ Żona Aleksandra Fiodorowna, syn Aleksy oraz córki Olga, Tatiana, Maria i Anastazja.

³⁹ http://pl.wikipedia.org/wiki/Kult_cara_Mikołaja_II_i_jego_rodziny, 05.09.2012.

⁴⁰ E. Heresch, *Mikołaj II. „Tchórzostwo, kłamstwo i zdrada”*. *Życie i upadek ostatniego cara Rosji*, Gdynia 1995, s. 15.

delegacją ziemstw, wojsk kozackich, szlachty i miast, nazwał nadzieje ich przedstawicieli, na udział w rządzeniu państwem «*bezsensownymi marzeniami*». ⁴¹

Sobczak podsumowuje rządy Mikołaja następującymi słowami: «*Wydaje się, że w rzeczywistości Mikołaj II w chwili objęcia tronu nie miał jeszcze jasno sprecyzowanego programu polityki wewnętrznej poza chęcią najlepszego służenia potrzebom i wielkości Rosji oraz swojej dynastii, co w jego rozumieniu było tożsame. Styl jego rządów można generalnie scharakteryzować jako przede wszystkim pragmatyczny (...). W życiu codziennym mniej lub bardziej racjonalne jego posunięcia i postanowienia wyływały się ze zmieniających się sytuacji*» ⁴².

13.01.1882 Mikołaj wzorem ojca rozpoczął prowadzenie zapisków, które kontynuował przez kolejne 36 lat, aż do dnia poprzedzającego jego tragiczną śmierć. Prowadził dziennik, w którym pieczołowicie opisywał każdy dzień swego życia (dziennik ów, zebrany w pięćdziesięciu dwóch grubych zeszytach, znajduje się obecnie w Новоромановском архиве, części Państwowego archiwum Rosyjskiej Federacji w Moskwie).

Praca niniejsza ma na celu analizę dzienników i określenie, jaki obraz Mikołaja II się z nich wyłania. Należy zaznaczyć, że zapiski Mikołaja są *stricte* dziennikiem, a nie pamiętnikiem.

Nazwa dziennik (ang. *diary*, fr. *journal*, niem. *Tagebuch*, ros. *dniownik*) wywodzi się od łacińskiego terminu *diarium*, co oznaczało początkowo codzienne porcje pokarmu wydawane np. żołnierzom i jeńcom. Później słowo to zaczęło oznaczać również zapiski codzienne dotyczące różnych zdarzeń wypadków, wydatków prywatnych, sprawunków itd., spisywanych regularnie w celu organizacji spraw codziennych ⁴³.

Dziennik Mikołaja jest typowym dziennikiem zewnętrznym. Elisabeth Heresch tak pisze o notatkach Mikołaja: «*...nie oddają one prawie nigdy przebiegu jego spotkań czy treści narad, lecz zawierają jedynie nazwiska i terminy; rzadko dochodzą w nich do głosu emocje, uczucia znajdują odbicie jedynie w sytuacjach zupełnie wyjątkowych: radość (z militarnych sukcesów lub z narodzin dziecka) i smutek, złość lub przerażenie (na przykład po militarnej klęsce, politycznych niepokojach lub czyjeś śmierci). (...) Porównanie owych zapisków z doniosłymi decyzjami lub następującymi po nich wydarzeniami prowadzi do wniosku, że dziennik Mikołaja miał pełnić funkcję swego rodzaju protokołu, a z całą pewnością nie być źródłem informacji dla postronnych*» ⁴⁴.

W Polsce dzienniki doczekały się trzech wydań, jednak wszystkie oparte są na edycji rosyjskiej wydanej w 1923 roku, przy czym żadne z nich nie jest kompletne, zawierają one jedynie fragmenty zapisków z lat 1890–1917. W opinii badaczy były to fragmenty nie najciekawsze, wybrane w celach demaskatorskich, deprecjonujących, mające pasować do propagowanego przez bolszewików obrazu cara. Eksponowały one jego słabości, brak wyobraźni, uczuciowy chłód i obojętność na losy narodów,

⁴¹ *Ibid.*, s. 15.

⁴² J. Sobczak, *op. cit.*, s. 116.

⁴³ N. Lemann, *Słownik rodzajów i gatunków literackich*, Kraków 2006, s. 64.

⁴⁴ E. Heresch, *op. cit.*, s. 77–78.

którymi rządził⁴⁵. Łatwo jest ulec propagandzie czytając notatki takie, jak na przykład zapis z 23 grudnia 1904, a więc w trzy dni po kapitulacji rosyjskiej twierdzy Port Arthur (co oznaczało w praktyce klęskę Rosji w wojnie rosyjsko – japońskiej z lat 1904–1905): «*O 10-ej stanąłem pomyślnie w domu w Carskim Siole. Byłem szczęśliwy, że zastałem drogą Alix i dzieci w dobrym zdrowiu. Raportów nie można było uniknąć. Śniadanie jedliśmy sami. Z przyjemnością się przeszedłem, powietrze było łagodne. Dużo czytałem*»⁴⁶.

Dostosowany do konkretnego politycznego celu wybór fragmentów dzienników odniósł skutek. Wkrótce po pierwszej publikacji zapisków Mikołaja, pojawiły się głosy kwestionujące jego autentyczność, jak na przykład generała Jacyny⁴⁷: «*Zostały również ogłoszone pamiętniki Mikołaja II. Czytając je, odniosłem wrażenie, że jest tam sporo tendencyjnego oczerniania, bo na tle tego dokumentu zarysowuje się jego postać w zbyt komicznym świetle, a choć osobiście rozmawiałem z nim zaledwie kilka razy, wiem od dworskiego otoczenia i od tych co znali cesarza bliżej, że nie był on wcale takim pół kretynem, jak go złośliwie odmalowano w owych, niby autentycznych wspomnieniach*»⁴⁸. Zupełnie pominięte zostały zapiski z pierwszych 8 lat, a także z ostatniego półrocza przed egzekucją rodziny carskiej.

W moim osobistym mniemaniu obraz Mikołaja, jaki wyłania się z jego zapisków jest całkowicie odmienny od utrwalonego przez czynniki polityczne wizerunku ostatniego cara Rosji - wypranego z emocji, krwiożerczego i tępego despoty. Moim zdaniem, najwięcej o charakterze Mikołaja mówią jego zapiski z lat młodości, gdy jeszcze nie spoczywał na nim ogrom obowiązków głowy państwa i pierwsze lata jego rządów.

Niestety do tej pory nie ukazała się na polskim rynku żadna naukowa edycja dziennika zawierająca szersze jego fragmenty, która ukazywałaby postać Mikołaja II w obiektywny sposób. Nie był to bynajmniej władca idealny, ale daleko było mu również do brutalnego despoty, na jakiego kreowała go bolszewicka propaganda. W mojej pracy korzystam z rosyjskiego wydania dzienników cara, które ukazało się w Moskwie w 1993 roku i zostało opatrzone wnikliwym komentarzem Edwarda Radzińskiego, pt. «*Госноду... снаци и усмиру Россию*» były to słowa które w Mikołaj zapisał w swym dzienniku w ostatnich dniach przed abdykacją.

D. Zagrodnik

LIRYKA MICHAŁA LERMONTOWA W KRĘGU MELANCHOLII I MIŁOŚCI

Miłość i melancholia, którymi tchnie liryka «rosyjskiego Goethe»⁴⁹, czyli Michała Lermontowa to pojęcia abstrakcyjne, szeroko rozumiane, ich cechy konstytutywne trudno jednoznacznie i bezspornie zdefiniować. Warto więc na

⁴⁵ J. Sobczak, *op. cit.*, s. 41.

⁴⁶ *Dziennik cara...*, s. 228.

⁴⁷ Jan Jacyna (ur. 15 grudnia 1864, zm. 10 grudnia 1930 w Warszawie) – polski inżynier, generał major Armii Imperium Rosyjskiego oraz generał dywizji Wojska Polskiego, a także pisarz.

⁴⁸ *Dziennik cara...*, s. 29.

⁴⁹ И. Андроников, *Образ Лермонтова*, [w:] *Лермонтовская энциклопедия*, red. пачз. Мануйлов В., [online], [dostęp: 2013-02-28]. Dostępny w Internecie: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre/lre-012-.htm>

samym wstępie przedstawić taki aspekt ich rozumienia, który mógłby stać się punktem wyjścia do dalszych rozważań.

Według Ericha Fromma miłość to właściwość charakteru, która determinuje stosunek człowieka do świata jako do całości, a nie tylko do jego małej części - konkretnej osoby. Choć uczucie to jest sztuką trudną, jej arkany można zgłębić wypracowując w sobie pokorę, odwagę, wiarę i dyscyplinę. Wysiłek włożony w pracę nad sobą opłaca się. Miłość to bowiem doskonale panaceum na chorobę nękającą ludzkość od zarania – samotność⁵⁰. Pozwala ona ludziom na ściśle zjednoczenie się ze sobą, przy zachowaniu pełnej indywidualności⁵¹.

Podobnie jak miłość, tak i melancholia ma zróżnicowaną, a przez to niezwykle trudną do sprecyzowania naturę. Marek Bieńczyk określa melancholię jako «Nie wiadomo co», które nie wynika bezpośrednio z nieszczęścia, lecz jest nieszczęścia wszechstronnym poczuciem, doświadczeniem smutku tak uogólnionym, że zasklepiającym swe źródła, nigdy nie zawartym w liczniku istnienia jak okazjonalna żaloba, zawsze w mianowniku niezmiennego trwania. Niczym biblijny wąż, strata mówi nam: *et in Arcadia ego*, rozsiadłam się także w Raju, jestem chlebem wszelkiej nicości, ale i w sercu szczęścia będę pleśnią każdej radości»⁵². Melancholik to jednak nie tylko przygnębiony pesymista, oddający się nieustannie ponurym rozmyśleniom. Melancholik to idealista i perfekcjonista, trudno sprostać jego wymaganiom. Bardzo często obdarzony jest olbrzymim potencjałem umysłowym. Ponadto, wyróżnia go wyjątkowa wrażliwość na piękno i na potrzeby drugiego człowieka⁵³.

Miłość i melancholia odbiły swe piętno na całym życiu Michała Lermontowa. Ewolowały one stopniowo, wraz z rozwojem wrażliwości przyszłego poety. Michał od wczesnego dzieciństwa odznaczał się niezwykłą czułością na piękno muzyki, zadziwiał opiekunów talentem plastycznym i literackim. Już jako trzyletni chłopiec układał rymowanki, np. «Что-то мама не идёт, ведь Мишель всё ждёт и ждёт»⁵⁴. Dozgonna miłość do książek rozbudziła w małym czytelniku tendencję do głębokich rozważań, a trwająca trzy lata choroba – odra, która przykuła go do łóżka, przyzwyczała do błędzenia w świecie fantazji, rozwijając jednocześnie jego umysł i wewnątrz ponad wiek. Liczne smutne doświadczenia – reakcja Mikołajewska po powstaniu dekabrystowskim, przymus wyboru między kochanymi na równi, lecz skłóconymi, babką i ojcem, liczne niepowodzenia na gruncie uczuciowym, wreszcie niefortunny wybór kariery w wojsku jako drogi życiowej zaowocowały w bólu duszy, nieufności wobec szczęścia i wobec ludzi⁵⁵, w filozoficznej negacji świata, w pesymistycznym spojrzeniu na przyszłość. Jedyną ulgę w egzystencjonalnych rozterkach przynosiła Lermontowowi praca literacka.

Powszechnie uznaje się, że każdy twórca ma swoje specyficzne źródła natchnienia, które w typowy dla siebie sposób odbiera i daje się im ponieść. Czytając

⁵⁰ E. Fromm, *O sztuce miłości*, Warszawa 1971, s. 21.

⁵¹ Tamże, s. 34.

⁵² M. Bieńczyk, *Melancholia. O tych, co nigdy nie odnajdą straty*, Warszawa 1998, s. 15.

⁵³ F. Littauer, *Osobowość plus. Jak zrozumieć innych przez zrozumienie siebie*, Warszawa 1999, s. 46-61.

⁵⁴ В. Воскобойников, *Когда Михаил Юрьевич Лермонтов был маленьким*, [online], [dostęp: 2013-02-28]. Dostępny w Internecie: <http://www.kostyor.ru/student/?n=83>

⁵⁵ П. Висковатый, *Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова*, [online], [dostęp: 2013-02-28]. Dostępny w Internecie: http://dugward.ru/library/lermont/viskovatiy_lem.html; tłumaczenie własne, D.Z.

poezję Lermontowa, odnosi się wrażenie, że zarówno jego życie, jak i cała twórczość przybrałyby z pewnością inny kształt, gdyby nie kobiety. Wissarion Bieliński po spotkaniu z Lermontowem stwierdził, że «kocha on wyłącznie kobiety i tylko je widzi w swoim życiu»⁵⁶. Nic dziwnego, los postawił na jego krótkiej życiowej drodze wiele kobiecych istnień. Na samym początku tejże drogi stoi matka, której piękne, smutne kołysanki obudziły wrażliwość chłopca, a także nie znosząca sprzeciwu, przebojowa babka – jego prawna opiekunka. Później na horyzoncie pojawiają się pierwsze miłości - piękne, lecz próżne «lwice salonowe», takie jak Katarzyna Suszkowa, czy Natalia Iwanowa. W międzyczasie Lermontow poznaje najdroższą swemu sercu kobietę - Warwarę Łopuchinę, po rozstaniu z którą przelotnie flirtuje m.in. z Marią Szczerbatową, Aleksandrą Woroncową-Daszkową, czy Eudoksją Rostopczyną. Kobiety i mężczyznę nie muszą koniecznie łączyć więzy miłości, może to być także przyjaźń. Uczuciem tym dzielił się Lermontow z kuzynką Aleksandrą Wierieszczaginą, z Marią Łopuchiną, siostrą swej ukochanej, czy też z Zofią Karamzin. Jak podkreśla Aleksander Oczman, więzi owe stanowiły substytut macierzyńskiego wsparcia, ciepła i, przede wszystkim, zrozumienia⁵⁷, których Michał był pozbawiony od wczesnego dzieciństwa.

Każda z wyżej wspomnianych dam pozostawiła w sercu Lermontowa ślad, który znalazł swój materialny wyraz w postaci liryków miłosnych. Trzon wczesnej liryki miłosnej pisarza tworzą dwa cykle – pierwszy, poświęcony Katarzynie Suszkowej i drugi - Natalii Iwanowej. Miłość do Katarzyny pozostawiła po sobie niesmak i gorycz upokorzenia. W takim też nastroju utrzymana jest tonacja dedykowanych jej liryków. Można je podzielić na dwie grupy⁵⁸ – pierwsza z nich, napisana w Sieriednikowie, bezpośrednio pod wpływem czarującego spojrzenia panny Miss Black Eyes, obejmuje wiersze takie jak *К Су<Шковой>* (1830), *Благодарю* (1830), czy *Ничей* (1830). Druga grupa, z kolei, powstała nieco później, gdy Lermontow, dowiadując się od kuzynki, Aleksandry Wierieszczaginy, o salonowych sukcesach swej muzy, zapalał zazdrością o nią, odczuwając jednocześnie bolesne ukłucie zniewagi i krzywdy. W tej części cyklu, napięcie emocjonalne sięga więc zenitu i zostaje oddane, m. in. w utworze *К**** (*Когда к тебе молвы рассказ*, 1830).

W latach 1831-1832 Lermontow zadedykował N.F.I. cykl około trzydziestu wierszy. Inicjały te rozszyfrował po ponad stu latach Iraklij Andronikow. Kryła się pod nimi Natalia Fiodorowna Iwanowa. Wiersze kierowane do dziewczyny tworzą rodzaj dziennika lirycznego, z którego dowiadujemy się o stanach emocjonalnych poety w chwili tworzenia. Michał bowiem tak, jak każdy melancholik, przeżywał huśtawki nastroju – od niebotycznej radości po niezgłębioną żalność. Fazy rozwoju romansu z Natalią układają się niczym krzywa antycznej tragedii. Cykl otwierają więc liryki, pełne wiary we wzajemność ukochanej i nadziei na przyszłe szczęście. W wierszu *Пускай поэта обвиняет* (1830 - 1831) obecność bogdanki, ciepło jej dłoni pozwala podmiotowi lirycznemu zapomnieć o dręczących go cierpieniach. Utwory w

⁵⁶ *Отрывки из писем Белинского В.Г., в которых он упоминал о Лермонтове*, [on-line], [dostęp: 2013-02-28]. Dostępny w Internecie: <http://www.lermontov.info/kritika/pisma.shtml>, tłumaczenie własne, D.Z.

⁵⁷ А. Очман, *Женщины в жизни Лермонтова*, Moskwa 2008, s. 165.

⁵⁸ А. Глассе, *Лермонтов и Е. А. Сушкова*, [online], [dostęp: 2013-02-28]. Dostępny w Internecie: <http://lermontov.niv.ru/lermontov/kritika/glasse/lermontov-sushkova.htm>

tej pogodnej, przepelnionej szczęściem tonacji należą jednak do nielicznych. Dominujące miejsce zajmują za to erotyki, w których podmiot liryczny czyni swej lubej wyrzuty o niestałość w miłości, o zabawę jego uczuciami, o rozpalenie złudnych nadziei, jak np. w wierszu *K*** Всевышний произнёс свой приговор* (1831). Rozczarowany, cierpiący z powodu odrzuconej, zdeptanej chłodną obojętnością miłości, poeta dokonuje swoistej zemsty. Zrzuca swą „madonnę” z piedestału na niziny⁵⁹, przenosi ją ze sfery *sacrum*, w której, jako wzór cnót, cieszyła się duchowym uwielbieniem, do sfery *profanum*, gdzie zostaje zdegradowana do obiektu rządzących cielesnych. W wierszu *Склонись ко мне, красавец молодой*⁶⁰ (1832) gniew autora w stosunku do wybranki serca eskaluje się. Moralny upadek ukochanej oraz jej poniżenie osiągają swój szczyt. Ona sama staje się kusicielką, inicjatorką miłości zmysłowej, bezwstydnie oddaje się adoratorowi, uznając go za swojego pana. Wraz z upływem czasu negatywne emocje poety tracą jednak na sile. Na przełomie 1831 i 1832 r. gorące niegdyś uczucie stopniowo dogasa. Ten stan emocjonalny Lermontow porównał do jesiennego słońca i taki właśnie tytuł nadał wierszowi – *Солнце осени* (1830 - 1831). Ostatni wiersz z cyklu – *K* (Я не унижусь перед тобою, 1832)* świadczy o całkowitym wyparci z serca adresatki liryka i uczucia do niej.

Najsilniejszą ze wszystkich więzi, łączących Lermontowa z kobietami okazała się miłość do Warwary Łopuchiny. Świadczy o tym chociażby fakt, że to właśnie jej wizerunek poeta przechowywał w pamięci do końca swoich dni (*Расстались мы; но твой портрет, 1837*), to jej rysów doszukiwał się w twarzach innych dam (*Нет, не тебя так пылко я люблю, 1841*), to wreszcie z nią prowadził tajemniczy duchowy dialog, pokonując granice czasu i przestrzeni (*Сон, 1941*). W utworach adresowanych do Warii daje się poznać, jak zauważa Wiktor Jakubowski, właściwa romantyzmowi «koncepcja miłości jako pierwiastka sprzęgającego ból ze szczęściem»⁶¹. W nich też przybiera swój poetycki kształt «schellingiańska koncepcja ogarnięcia Absolutu przez miłość»⁶².

Cykl wierszy, poświęconych Warwarze w latach 1831 – 1832, zamyka niejako młodzieńczy etap poezji miłosnej Lermontowa. Erotyki lat dojrzałych są nie tylko mniej liczne, ale też odmienne w swej strukturze i charakterze. Nie są to już patetyczne wyznania miłosne, czy oskarżenia skierowane w stronę niewiernej wybranki, lecz raczej obrazy kobiet⁶³, które nie tworzą tak wyraźnie, jak do tej pory, lirycznej biografii poety. Do ich grona należy m.in. utwór, uznawany za arcydzieło liryki erotycznej Lermontowa *Из-под таинственной холодной полумаски* (1841). Silniejszym uczuciem poeta darzył w tym okresie swego życia księżnę Marię Szczerbatową i Eudoksję Rostopczynę. Pierwszej z nich poświęcił m.in. wiersz <M.

⁵⁹ А. Очман, *op. cit.*, s. 22.

⁶⁰ Aleksander Oczman przytacza wiersze: *Склонись ко мне, красавец молодой, Счастливым миг, Девятый час* przy okazji analizy utworów, poświęconych Natalii Iwanowej, wskazując na pewną ich zbieżność, m.in. z lirykiem *K* [Я не унижусь перед тобою]*. Zob. А. Очман, *op. cit.*, s. 21-22.

⁶¹ W. Jakubowski, *Wstęp* [w:] *Michał Lermontow. Wybór poezji*, Kraków 1972, s. XXIV.

⁶² Tamże.

⁶³ И. Роднянская, *Из-под таинственной, холодной полумаски*, [w:] *Лермонтовская энциклопедия*, [online], [dostęp: 2013-02-28]. Dostępny w Internecie: <http://feb-web.ru/feb/lermont/lre-abc/lre/lre-1892.htm>

A. Щербатовой (1840), czy też *Отчего* (1840). Dla ostatniej zaś napisał list poetycki *Графине Ростопчиной* (1841), jak również wiersz *Договор* (1841).

Melancholia w wierszach Lermontowa nie jest jednak jedynie skutkiem, czy też odzwierciedleniem przeżyć miłosnych. Techną nią także takie utwory, jak: *Дума* (1838), *Поэт* (1838), *Не верь себе* (1839), tzw. «triumwirat»⁶⁴, stanowiący gorzką ocenę współczesnego Lermontowowi pokolenia; *И скучно и грустно* (1840), wiersz będący negacją wszelkich, cenionych do tej pory przez podmiot liryczny wartości; *Прощай, немытая Россия* (1841), w którym rozczarowany życiem, znękanym wątpliwością podmiot liryczny próbuje odseparować się od nastrajającej go depresyjnie, przynębiającej rzeczywistości. Ukojenie duszy poeta odnajduje na łonie przyrody *Выхожу один я на дорогу* (1841).

Powyższe rozważania prowadzą nas do wniosku, że melancholia i miłość to dwie klamry spajające całe życie Lermontowa, od narodzin po śmierć. Nie są one wymysłem i fantazją rozkapryszzonego i obrażonego na cały świat ekscentrycznego twórcy, lecz przejawem nadzwyczajnej wrażliwości na bodźce wysyłane przez otoczenie, a także niezaspokojonego głodu akceptacji nieprzystającego do tegoż otoczenia poety.

J. Żółtowska

IKONOGRAFIA ANDRIEJA RUBLOWA – PRZESZŁOŚĆ, TERAŹNIEJSZOŚĆ, PRZYSZŁOŚĆ

«Каждый народ przechowuje w swojej pamięci imiona otaczane szczególną czcią. Przekazywane są one z pokolenia na pokolenie, gdyż zapomnienie ich oznaczałoby niepowetowaną stratę dla świadomości narodu, dla zrozumienia sensu jego istnienia»⁶⁵. W pamięci narodu rosyjskiego, jedno z poczesnych miejsc zajmuje średniowieczny mnich – Andrzej Rublow, genialny staroruski malarz ikon, żyjący na przełomie XIV i XV wieku.

Zgodnie z ruską tradycją, osobę, która była bliska Bogu definiowano pojęciem *преподобный* – czyli *bardzo podobny*. Tym terminem określano Andrieja Rublowa, którego w 1988 roku, w tysięczną rocznicę Chrztu Rusi, w czasie trwania Soboru Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej, kanonizowano i zaliczono w poczet świętych. W Kalendarzu Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej na 4 lipca, według kalendarza gregoriańskiego, przypada dzień jego pamięci⁶⁶. «Rublow tworzył freski i ikony (przedstawienia Matki Bożej, Chrystusa i świętych). Posiadał niezwykłą umiejętność nadawania postaciom wyrazu spokoju i głębokiego uduchowienia. A ów efekt osiągał

⁶⁴ В. Белинский, *Стихотворения М. Лермонтова*, [online], [dostęp: 2013-02-28]. Dostępny w Internecie: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/bel/bel-132-.htm>

⁶⁵ A. Adamska, *Teologia piękna na przykładzie ikon Andreja Rublowa*, Kraków 2003, s. 32.

⁶⁶ ks. W. Cichosz, E. Pankowska-Siedlik, *Teologiczna pedagogia ikony na przykładzie „Trójcy Świętej” Andreja Rublowa*, w: „Studia Gdańskie” tom XXIV, red. ks. A. Świeżyński, Gdańsk-Oliwa 2009, s. 125-126.

za pomocą delikatnych, płynnych linii, harmonijnych barw i zamglonych kolorów»⁶⁷. On jako pierwszy w sztuce staroruskiej, w fenomenalny pod względem artystycznym sposób, uwidoczniał piękno dobrej i nieskalanej duszy ludzkiej, piękno atmosfery ciszy i uspokojenia, piękno ofiarności, jak i miłości między ludźmi. Innymi słowy, w swym dziele zajmował się wszystkim, co według pojęć epoki stanowiło przedmiot sztuki: ziemią i niebem, sferą ludzką i boską. W swojej sztuce, w równej mierze korzystał z tradycji malarskich narodowych jak i bizantyjskich, i południowosłowiańskich. Na ich fundamentach powołał do życia nowy styl, którego założenie, jak i wirtuozerskie środki wyrazu są typowo ruskie, i służą przedstawieniu idealnych cech narodowego charakteru, ideału moralno-etycznego i postawy myślowej wobec świata. Ten wybitny moskiewski talent malarski, który zabłysnął pod koniec XIV wieku, opromienił swym blaskiem sławy kolejne epoki⁶⁸.

Badacze dysponują skąpyimi zapisami i dokumentami źródłowymi świadczącymi o jego życiu. Mimo wielkiej sławy jaka stale otacza Rublowa, nie wiadomo nawet jak wyglądał. Nie zachował się bowiem żaden z jego portretów, ani tym bardziej opis jego wyglądu⁶⁹. Bazując na skromnych informacjach i świadectwach piętnastowiecznej Rusi, orientacyjnie, można przyjąć, iż Rublow, syn Iwana, prawdopodobnie urodził się między 1360, a 1370 rokiem w środkowej części Rosji, w Ziemi Rostowsko-Suzdalskiej (dzisiejsze Podmoskowie), a zmarł w wieku 70 lat, 29 stycznia 1430 roku, w klasztorze Spaso-Andronikowskim w Moskwie, w którym obecnie przechowywane są relikwie świętego i znajduje się muzeum jego imienia. Na podstawie charakterystycznej końcówki jego nazwiska, oraz odnotowywanej przez jemu współczesnych niezwyklej mądrości, jak i bogatej twórczości, można przypuszczać, iż pochodził z jednego, z XIV-wiecznych światłych rodów ruskich. Brak wiedzy o rodzicach, o tym z jakich warstw społecznych pochodził, czy posiadał rodzeństwo. Trudno powiedzieć, jak wyglądały jego lata dzieciństwa, poza tym, że przypadały one na lata jarzma mongolsko-tatarskiego, jak również rozdrobnienia Rusi i walk wewnętrznych. Gdy był jeszcze chłopcem wybuchła wojna na Kulikowym Polu. Tak więc, czasy, w których dorastał i słuchał o wszystkich okrucieństwach niewoli, niewątpliwie miały ogromny wpływ na kształtowanie się jego charakteru, na jego sztukę⁷⁰. Fakt, że był zakonnikiem, jest zgodnie uwierzytelniony przez wszystkie źródła pisane. Jednakże dokładne miejsce jego wstąpienia do zakonu, pozostaje nieznane. Wiadomo, iż całe swoje życie związał z dwoma klasztorami: Troicko-Siergijewskim i Spaso-Andronikowskim w Moskwie⁷¹.

Ważny okres twórczości artysty wiąże się z miejscowością Zagorsk i z założoną tam przez uczonego, i męża stanu Sergiusza z Radoneża, Ławrą Troicko-

⁶⁷ W. Vaughan, *Encyklopedia. Malarze świata*, tłum. M. Boguta, J. Hubner - Wojciechowska, M. Iwińska, Warszawa 2009, s. 376.

⁶⁸ W. Pług, *Wielcy malarze świata. Andriej Rublow*, tłum. z ros. R. Kitowska, Warszawa 1987, s. 9.

⁶⁹ E. Siuzdak, *Trójca Święta – dzieło życia Andrzeja Rublowa*, <http://www.iwok.blog.pl/id,330758917,title,Trojca-Swieta-dzielo-zycia-Andrzeja-Rublowa,index.html>.

⁷⁰ A. Adamska, *Teologia piękna...*, s. 32-34.

⁷¹ M. Śnitko, *Współczesna opowieść o świętym – Andriej Rublow A. Tarkowskiego*, w: „Dyskurs kulturoznawczy”, O. Schindler, M. Śnitko, Wrocław 2003, s. 21-22.

Siergijewską⁷². To tutaj właśnie Rublow, został uczniem Sergiusza, którego w Ławrze otaczano szczególnym szacunkiem, czią oraz kultywowano głoszone przez niego nauki. Święty Sergiusz, widzący boskie światło, kilka lat spędził w hezychii (ros. *безмолвие*), a duchowość tego ruchu ówczesnej epoki, polegała na zmierzaniu do duchowego pokoju, poskromieniu żądz poprzez wrażliwość serca, ascezę i wypowiedanie ustalonego tekstu modlitwy Jezusowej. Chociaż nie posiadamy dokładnych informacji o bezpośredniej znajomości Rublowa z Sergiuszem, to niewątpliwie święty Andrzej, był spadkobiercą tej tradycji mistycznej. To co mistrz duchowy, święty Sergiusz potrafił uzewnętrznić w widzeniach i przypowieściach, to artysta oddawał barwami⁷³. Stąd, w jego ikonach „łagodne światło rozświetla stopniowo materię ciała i szat, poczynając od najciemniejszych barw, aż do najjaśniejszych, kończąc oczywiście na czystej bieli, która symbolizuje najczystsze światło”⁷⁴.

Zdaniem badaczy, z czasem rygorystyczne warunki w Ławrze Troicko-Siergiejewskiej, stały na drodze młodemu artyście w dalszym, szczególnym rozwoju jego talentu. Korzystniejsze możliwości otwierały się przed nim w Moskwie, gdzie skolekcjonowano różnorakie skarby sztuki, gdzie tworzyli znakomici malarze, nie tylko miejscowi, ale i przyjezdni. Trudno powiedzieć, kiedy Rublow osiedlił się bliżej Moskwy, w monasterze Andronikowskim, z którego było bardzo blisko do Kremla, umocnionego przez Dymitra Dońskiego⁷⁵. I takim oto sposobem, w świątyniach starej Rusi, w Moskwie, Rublow mógł zbliżyć się do najwspanialszego malarstwa, którego korzenie wyrosły nie tylko z tradycji helleńskiej, czy bizantyjskiej epoki Paleologów, ale również i z ojczystej⁷⁶. Badacze wskazują również na zainteresowania Andrzeja, w tym okresie, sztuką antyczną, gdyż prawdopodobnie zetknął się on z klasycznymi dziełami greckimi, które spowodowały, że przez całe życie, antyk był dla niego jedyną miarą doskonałości. W Moskwie, Rublow poznał przebywającego wówczas na Rusi, swego mistrza artystycznego, doskonałego bizantyjskiego malarza, jakim był Teofan Grek. To właśnie w jego zespole uczył się sztuki pisania ikon i fresków. Rublowa wprawiały w zdumienie zdecydowane, mocno sprecyzowane charaktery w sztuce Teofana. Zgłębiająco przyglądał się każdej kresce, która była ręką Greka zawsze położona trafnie, szybko i bezbłędnie. Podziwiając Teofana Greka, zaznawał on jednak niepokoju, nie podobało mu się, że jego dzieła są obdarte ze spokojnego szczęścia, kobiecego uroku, szczerości, że emanuje z nich uczucie przerażenia. Przecież on, w sercu którego głęboko krył się ów ogień wewnętrzny, bez którego twórczość jest niemożliwa, chciał, aby jego ikony odznaczały się miękką harmonią, jasnością form, aby przynosiły ludziom bezpieczeństwo i porozumienie.

Młody malarz podczas pobytu w monasterze Andronikowskim, zwraca na siebie uwagę Wielkiego Księcia Wasyla, syna Dymitra Dońskiego, który to sprowadza go do wykonania prac artystycznych na Kremlu. Pierwsze dane o pracach artystycznych,

⁷² I. Gyorgy, F. Nemenyi, *Rublow. Malarz fresków i ikon*, tłum. z franc. H. Kęszycka, Warszawa 1979, s. 7.

⁷³ M. Alpatow, *Rublow*, tłum. J. Guze, Warszawa 1975, s. 14-15.

⁷⁴ W. Barwiński, *Moje spotkanie z ikoną „Trójcy Świętej” A. Rublowa. Próba jej odczytania*, [w:] *Zeszyty Karmelitańskie 2(12)*, Poznań 2000, s. 100.

⁷⁵ M. Alpatow, *Rublow...*, s. 17-18.

⁷⁶ ks. D. Klejnowski – Różycki, *Z tajemnic Rosji*, Zabrze 2010, s. 42.

w których uczestniczył Rublow wskazują na rok 1405⁷⁷. Wówczas, mnich Andriej wraz z Teofanem i innymi malarzami, uczestniczy w wykonaniu malowideł ściennych w moskiewskim soborze Błagowieszczeńskim (Zwiastowania) na Kremlu. Ikony wykonane do ikonostasu, mają duże znaczenie, z uwagi na to, iż składają się na pierwszy cykl ikon świątecznych na Rusi. Chociaż nie można tego stwierdzić z całą pewnością, to autorstwo niektórych z nich, z uwagi na sposób ich wykonania, istotnie przyznaje się Rublowowi. Do dzieł tych należą: *Chrzest Chrystusa, Przemienienie Pańskie, Wskrzeszenie Łazarza, Wjazd Chrystusa do Jerozolimy*⁷⁸. Kolejnym arcydziełem Rublowa namalowanym w 1408 roku, które nie uległo zniszczeniu, i na które można dzisiaj patrzeć z podziwem, jest mała ikona pod tytułem *Matka Boska Włodzimierska*. Ikona ta, jest reprodukcją darzonej na Rusi szacunkiem, ikony *Matki Bożej Włodzimierskiej*, która została sprowadzona w XII wieku z Bizancjum⁷⁹. W ujęciu Rublowa, ikona włodzimierskiej Bogurodzicy jest subtelna i świetlista, jej sylwetka jest płynna, oblicze zamyślane, wręcz zatopione w cichej modlitwie. Jej łagodne kolory są przepelnione świetlistością, co wywołuje złudzenie, że cała ikona została przez mistrza namalowana światłem⁸⁰. Rublowska «*Matka Boska ma ów wdzięk jedyny, tylko mnichowi Andrzejowi właściwy*»⁸¹. W starym włodzimierskim soborze, do XVIII wieku mieścił się ikonostas, zrealizowany przez Rublowa i jego przyjaciela Czarnego, po czym został przetransportowany do wsi Wasiljewskoje. Aktualnie, ikony pędzla Rublowa: *Zwiastowanie, Boże Narodzenie, Ofiarowanie Jezusa w świątyni*, po konserwacji dotarły do Galerii Trietiakowskiej i Muzeum Rosyjskiego. Wyróżniają się one tak znamienym tylko u Rublowa, owym porządkiem kompozycyjnym, nieskazitelnością i brzmieniem barw⁸². O osiągnięciu przez Rublowa absolutnego doświadczenia w malowaniu ikon, w pełni świadczy *Deesis* zwienigorodzka, z której przetrwały zaledwie przedstawienia: *Archanioł Michał, Apostoł Paweł, Zbawiciel*⁸³. Ikona *Zbawiciel*, to najbardziej olśniewające dzieło sztuki ruskiego średniowiecza. Twarz Zbawiciela o nieskończenie łagodnym i dobrotliwym wyrazie, o rysach wyraźnie ruskich, swym urzekającym urokiem i serdecznością, rozbudza w nas uczucie pełne miłości⁸⁴.

Najsłynniejszą ikoną, najdojrzałszym i największym arcydziełem artysty, jest ikona przedstawiająca *Trójcę Świętą*, która powstała dla soboru w Ławrze Troicko-Sergiejewskiej, i która została wykonana dla uczczenia pamięci dawnego duchowego autorytetu ówczesnej Rosji, świętego Sergiusza z Radoneża, który zmarł w 1411 roku. To z jego dociekań oraz modlitwy wzięła swój początek idea pokoju i zjednania w imię Jedności Trzech Osób Bożych⁸⁵. Ikona *Trójca Święta*, to dzieło

⁷⁷ M. Alpatow, *Rublow*, s. 8, 18-19.

⁷⁸ E. Siuzdak, *Andrzej Rublow i jego ikony dla soboru Błagowieszczeńskiego na Kremlu*, <http://iwok.bloog.pl/id,330735512,title,Andrzej-Rublow-i-jego-ikony-dla-soboru-Blagowieszczenskiego-na-Kremlu,index.html?ticaid=6f27f>.

⁷⁹ W. Pług, *Wielcy malarze...*, s. 6.

⁸⁰ I. Jazykowa, *Świat ikon*, tłum. z ros. H. Paprocki, Warszawa 1998, s. 139.

⁸¹ M. Alpatow, *Rublow*, s. 41.

⁸² E. Siuzdak, *Andrzej Rublow – ikony Włodzimierskie*, <http://www.iwok.bloog.pl/id,330738229,title,Andrzej-Rublow-ikony-Wlodzimierskie,index.html>.

⁸³ M. Alpatow, *Rublow*, s. 41.

⁸⁴ A. Adamska, *Teologia piękna...*, s. 141-144.

⁸⁵ W. Barwiński, *Moje spotkanie z ikoną...*, s. 101.

które wyrosło «z bólu i radości niezliczonych ludzkich pokoleń. Dźwięczy w niej echo zwycięstwa na Kulikowym Polu, odgłos dramatycznych wydarzeń burzliwego, lecz szczęśliwego 1380 roku»⁸⁶. W niej, Rublow zawarł nie tylko główny artykuł wiary chrześcijańskiej, lecz także ideę, głoszoną przez Sergiusza Radoneżskiego, i którą odwieczną sławą okryła waleczność Dymitra Dońskiego i jego wojsk⁸⁷. «Idea ta stała się narodowym sztandarem, któremu Ruś zawdzięczała swoje zjednoczenie i pod którym jeszcze niejednokrotnie miała zbierać swe siły»⁸⁸. Życzeniem świętego Sergiusza, było zgromadzenie wszystkich ludzi wokół imienia Bożego, aby dzięki kontemplacji *Trójcy Świętej*, byli w stanie przewyciężyć uczucie silnej wrogości dręczące świat. I to przesłanie jest bardzo ważne i wciąż aktualne, ponieważ w naszym pełnym wrogości, lęku i przemocy świecie, nasz rzeczywisty dom wcale nie musi być wybudowany na złych emocjach, bo może być domem pełnym zgody, jedności i wzajemnej miłości⁸⁹. *Trójca Święta*, jako majestatyczna pieśń tolerancji i miłości, zawsze znajdzie w sercach ludzkich zrozumienie⁹⁰.

«Po wsze czasy będzie współczesnym, będzie nieustannie przeżywał renesans artysta, który poświęcił się walce z nienawistnym podziałem naszego świata»⁹¹. Aczkolwiek od Andrzeja Rublowa dzieli nas prawie 600 lat, to jego dzieła nie tylko dzisiaj, ale i w przyszłości stale będą wywoływać niezwykle silne wrażenia na odbiorcach.

⁸⁶ W. Pług, *Wielcy malarze...*, s. 9.

⁸⁷ A. Adamska, *Teologia piękna...*, s. 50.

⁸⁸ W. Pług, *Wielcy malarze...*, s. 9.

⁸⁹ H. J. M. Nouwen, *Ujrzyć piękno Pana, modląc się z Ikonami*, Warszawa 1998, s. 24.

⁹⁰ A. Adamska, *Teologia piękna...*, s. 132.

⁹¹ W. Pług, *Wielcy malarze...*, s. 9.

БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.В. Полонский

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Опознавательным знаком современного мира с его многочисленными глобальными и региональными культурными проектами является все более усложняющийся диалог культур и цивилизаций, – диалог, нацеленный на познание и взаимопонимание. Он привлекает все большее количество исследователей, поскольку все более актуальным становится межкультурный контекст взаимодействия во всех сферах деятельности человека – в преподавании и обучении, в менеджменте, в рекламе, в туризме, в масс-медиа и т.д.

Культура – это результат солидарного усилия творческой мысли общества и его нравственно-эстетического выбора, осуществленного в практике освоения и осмысления окружающего мира. «Грамматику» культуры человек постигает, конечно, по-разному: • овладевая родным или иностранным языком, хранящим в своей семантике важнейшие культурные смыслы; • узнавая традиции, обычаи, ритуалы, обрядах и непосредственно в них участвуя; • получая воспитание и образование; • усваивая культурные образцы в процессе своей многообразной практики жизни, вчитываясь в ее тексты, вслушиваясь в ее ритмы, всматриваясь в ее рисунок.

Освоение знаний, культурных ценностей и норм обеспечивает «вхождение» человека в общество и культуру в качестве полноправного субъекта. Это – процесс непростой, имеющий разные аспекты – *социализации, инкультурации и аккультурации.*

Социализация – это процесс освоения человеком знаний, навыков и умений, позволяющих ему осуществить свою социальную субъектность, выполняя в условиях социально-коммуникативного взаимодействия с другими субъектами характерные для общества социальные роли и различные виды социальной деятельности по предписанным обществом правилам (например: *«Собираясь посетить польскую семью, будьте готовы к следующим ситуациям: 1. Если вы впервые в гостях, рассчитывайте на то, что хозяин подготовит вам тапочки... 4. Пользуясь общественным транспортом, обратите внимание на общепринятые правила поведения: молодые пассажиры уступают места пожилым, а мужчины – женщинам. 5. Старшее поколение весьма благосклонно воспринимает традиционный поцелуй мужчиной женской ладони при встрече. 6. При посещении ресторана или кафе принято оставлять чаевые. Их размер традиционно составляет 10% счета...»* (http://almapol.ucoz.ru/publ/gotovimsja_k_zhizni_v_polshe/1-1-0-2).

Социализация обеспечивает функционирование общества в соответствии с разработанными и принятыми им когнитивно-коммуникативными моделями.

Процесс социализации зависит, с одной стороны, от характера передачи обществом своего наработанного, освоенного и отрефлексированного опыта, а с другой – от человека, осваивающего его как с момента рождения, в процессе первичной социализации, так и с момента осознания присутствия другой культуры – в процессе вторичной социализации.

Недостатки в системе социализации (первичной и вторичной) создают конфликтные ситуации как между поколениями, так и между разными социальными группами, в том числе между так называемыми «местными» (автохтонами) и приезжими (иммигрантами).

Инкультурация (термин в 1948 г. ввел американский этнограф и антрополог М.Д. Херсковиц) представляет собой сложный, многоступенчатый процесс духовного усвоения человеком существенных особенностей культуры, ее архетипов, ценностей, норм, стереотипов, символов, традиций, а также репрезентативной совокупности текстов и культурного ономастикона. Это – процесс включения в сознание человека фактов и образов социальной памяти как переживаемого знания, усвоения присущего культуре уникального способа видения мира (менталитета), отраженного в совокупности культурных текстов и в языке.

Социализация и инкультурация подразумевают усвоение человеком содержательных форм и образцов, разработанных определенным обществом, однако, однако это разные процессы.

В результате социализации человек обретает совокупность навыков и знаний, позволяющих ему исполнять без затруднений и сбоев обязательные для общества социальные роли в соответствии с определенными социальными моделями и быть его полноправным членом.

Инкультурация – это процесс более длительный, предполагающий не «техническое» освоение социокультурных практик, а духовное укоренение осваиваемых культурных смыслов, формирование на этой основе рефлексивно-оценочного отношения к окружающему миру (картины мира) и к себе, умения раскрывать в диахронии и синхронии культурные коды общества. В процессе инкультурации формируется этнокультурная идентичность личности, понимание себя как субъекта культуры, как ее представителя. Как, например, сказал первый русский лауреат Нобелевской премии в области литературы И.А. Бунин: *«Может человек забыть Родину? Она – в душе. Я очень русский человек. Это с годами не пропадает»*.

При этом, безусловно, личность обнаруживает свой мировоззренческий, волевой и творческий ресурс, говоря словами Б. Пастернака, в *«выявлении себя вовне»*.

Аккультурация (термин введен в научный обиход в работах американских исследователей, в частности, У. Хоумза, в 1930-х гг.) обозначает процесс взаимодействия культур.

Аккультурация представляет собой процесс присвоения (заимствования) человеком или культурой норм, ценностей и традиций другой культуры и включение их в свою духовно-мировоззренческую структуру. Так, например, углубленное изучение западной литературы и культуры, а также библейских

источников, повлияло на эстетическую и мировоззренческую составляющую поэта, нобелевского лауреата И.А. Бродского, утверждавшего своим творчеством важность как непреходящих духовных ценностей, так и их обновления. Благодаря знанию иностранных языков, поэт не только открыл для себя мир другой культуры, но и снискал репутацию человека, свободно обращающегося к различным культурным традициям. Критик Ф. Эберштадт писала о нем: *«В отличие от большинства писателей из России и Восточной Европы, поселившихся на Западе, Бродский усвоил английский язык как родной, присовокупив к этому независимость мысли, насыщенность и филигранную отделку материала, наконец, пристрастие к использованию неиссякаемой авторской идиоматики».*

В условиях глобализирующейся жизни и ее абсолютной открытости внешнему миру современный человек нацелен на взаимодействие с *другим*, проживающим в соседней квартире или в соседнем доме, в другом городе или в другой стране, однако *другой* всегда «переживается» как важнейшее «событие мысли» (Б.М. Гаспаров) и «событие души», поэтому человек так внимателен к нему, к его культурным практикам, особенностям его речи, движениям мысли и души. *«Кто он такой, откуда взялся, чего в конце концов хочет, и какова его личная заинтересованность, которой не может же не быть»* – слова Татьяны Толстой о «феномене Горбачева», провозгласившего идею «нового мышления» как *«другого пути»* страны [Толстая].

Узнавание *другого* происходит, конечно, по-разному: через чтение книг, изучение языков, на научных семинарах и конференциях, в туристических поездках, на основе личного опыта или рассказов друзей, благодаря масс-медиа, ставших сегодня основным мировоззренческим ресурсом.

Сегодня особенно востребованной в практике осмысления жизни становится семантика границы, обнаруживающаяся в таких понятиях, как *глобализация, универсализация, культурная традиция, регионализация, толерантность, ксенофобия, ксенологизация* и др. Наиболее обсуждаемым становится проблемное поле этнокультурной личности и культурной идентичности. Так, например, Ю.М. Поляков, редактор «Литературной газеты», пишет: *«Вы давно видели на центральных каналах российского ТВ поэтов, прозаиков, публицистов из Татарстана, Якутии, Тувы, Дагестана, Адыгеи, Коми, Осетии, Башкирии? Я вообще не видел. Справедливости ради надо сказать, что и нормальных русских писателей в эфире тоже почти нет. Увы, этническое однообразие “лиц каналов” заставляет иной раз вспомнить скупой ассортимент захолустного сельпо... Ксенофобия, или “чужебоязнь”, надо признать, это всего лишь острое, опасное, порой постыдное выражение естественных внутренних процессов этнического сопротивления, и связано оно не с врождённой агрессивностью, а с тревогой народа за свою будущность. Запрещать ксенофобию – примерно то же самое, что разгонять тучи над Красной площадью перед парадом. Дождь потом всё равно пойдёт, но будет гораздо сильнее, а возможно, и с “градом”. Надо устранять причины – источники этнических тревог. Беру на себя смелость утверждать:*

нынешнее российское телевидение провоцирует ксенофобию, невольно включая подсознательные инстинкты этнического самосохранения» [Поляков 2011].

Культурная универсализация, запущенная процессами глобализации жизни, интерпретируется сегодня по-разному: либо как путь выработки общих норм, общих ценностей, отражающих духовный опыт человечества и общую заинтересованность в социальной гармонии, либо как «навязывание чужой культуры», как потеря этнокультурной самобытности, потеря границ собственного мира, как разрушение культурных основ бытия человека и, соответственно, как «путь в никуда».

Сегодня настойчиво задаются вопросы, требующие своего незамедлительного, но при этом взвешенного и разумного ответа.

Имеет ли человек право на свою этническую культуру? На защиту своих духовных границ, обозначенных символами и традициями родной культуры, символами большой и малой родины?

Имеет ли человек право на защиту своего духовного выбора?

Существует ли свобода от родной этнической культуры как нравственный выбор личности и как ее политическое право?

Имеет ли человек право на защиту своей свободы как обнаружения своей воли к выбору и творчеству? И каковы «границы» этого права и свободы?

Где начинается *чужое* в том мире, который уже не только открыто декларировал, но и осуществил во многом право личности на свободу передвижения и выбора дома?

Сопровождается ли это *право выбора* признанием другого права человека, где бы он ни находился, – права быть субъектом культуры?

Как современный человек должен относиться к исторически *чуждому*, если оно сегодня стало фактом и его жизни? Быть толерантным, терпимым? Как справедливо замечает С. Жижек, «легко быть терпимым, когда у окружающих те же представления о правах человека, что и у тебя. Что делать, когда это не так?» [Серебряная, [http](#)].

Это – важнейшие проблемы, активно обсуждаемые современными обществами, однако пока еще не нашедшие своего окончательного и непротиворечивого решения.

В многочисленных дискуссиях внятно формулируется мысль о том, что межкультурный диалог не должен приводить к деградации суверенных культур, что должно быть, как говорят, «согласие на мирное разногласие».

Однако, как показывает практика, сегодня в ответ на глобализацию иницируется диаметрально противоположный процесс – *сегментации социального пространства*, которая осуществляется в разных версиях, таких, как:

- *этнизация* – сосредоточенность на этнических и религиозных корнях общества, включение этнокультурного как единственного мотивирующего фактора в социальное пространство и социальные практики [Серебряная, [http](#)];

- *регионализация* – отрефлексирующая духовно-социальная активность, в основе которой лежит понимание региона как имеющей границы самоценной культурно-исторической общности; регионализация нацелена на разработку ментальной истории региона, на «вписывание» его духовного опыта в контекст

современной жизни, на разработку регионального пространства памяти, продвижение региональных символов и регионального культурно-символического ономастикона;

- *сепаратизация* – духовное обособление стран, регионов или определенных социальных групп на основе приписывания позитивной исключительности собственным культурным ценностям и традициям, их жесткого противопоставления социокультурному окружению;

- *эгоцентриция* – процесс жесткой фиксации на самом себе, эмфатиизации своеобразия и исключительности собственного «я» (как, например, в словах Светланы Конеген, ведущей программы «Деликатесы» на ТВЦ: «Свобода – это наличие у каждого выбора: хочу чай пью, хочу пиво, хочу – женюсь на своей кошечке») на основе ревизии или категорического неприятия содержательных образцов окружения.

Важно обратить внимание также на то, что в современном публичном диалоге акцентируются прежде всего различия, при этом формируется образ *другого* не как альтернативно истинного, не как *иного*, отличающегося самобытным способом мысли и переживания, а как *чуждого* и, соответственно, неприемлемого, порицаемого. Разговор о себе также становится зачастую излишне упрощенным, акцентирующим либо только позитивное, либо только негативное, что едва ли это справедливо.

Современный мир в условиях процессов глобализации обретает новые формы своего бытия и своего сознания. Это ставит новые задачи и перед академической наукой.

Литература

1. Поляков Ю. Лезгинка на Лобном месте // Литературная газета. – 2 февраля 2011 г.
2. Серебряная О. Западный пацифизм // Русский журнал. – 13 марта 2001. – Режим доступа: [<http://old.russ.ru/politics/west/20010313-zh.html>].
3. Толстая Т. Но какой человек» <http://www.agitclub.ru/gorby/ourman/ourtolstaya.htm>

Г.П. Андреевская

МУЗЫКА И ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ЕЕ ОПИСАНИЯ

Одним из важнейших направлений в культуре, оформившихся как специфическая сфера деятельности, является художественная критика, обращенная к широкой аудитории и нацеленная на формирование её эстетического сознания и эстетически выверенного взгляда на результат творчества. В системе средств массовой информации художественная критика занимает в последние годы все более значимое положение, становясь более открытой и персонализированной. Как справедливо замечает В.М. Липская,

сейчас «нет “запретных тем” и “зон умолчания”, нет запрограммированного единодушия по поводу тех или иных событий в мире искусства» [Липская 1997].

Современное российское общество становится все более чувствительным к вопросам музыкальной культуры. Не случайно объектом художественно-критической журналистики все чаще становится *«музыка во всем спектре стилей и техник, современное исполнительство, современные музыкально-сценические искусства, театрально-концертная практика, массовая музыкальная культура – все, что “бурлит и пенится” вокруг»* [Курешева 2007: 3].

Музыка - исключительно важный феномен, обнаруживающий себя в разных аспектах – эстетическом, психологическом, этнокультурном, социальном, педагогическом. В настоящее время в России значительно расширяется общий объём специализированных периодических изданий, посвященных музыке. Среди них - «Музыкальная жизнь», «Музыка и время», «Старинная музыка», «Музыкальное просвещение», «Музыкальная академия», «Голос и речь» и др. Чрезвычайно важно то, что масс-медиа постепенно образуют необходимую обществу концептуально-эмоциональную среду, способствующую социальному продвижению эстетически и нравственно выверенных смыслов, репрезентированных языком музыкальной критики.

«Включение» музыкального текста в поле общественного сознания обеспечивается особым языком описания, отражающим ключевые параметры как вида искусства и самого произведения, так и социально-исторического периода с присущей ему идеологией и стилистикой. Язык описания музыкального текста *«представляет собой критическое, идеологически ориентированное художественно-аналитическое комментирование, выстраивающееся на системе понятий, эпитетов, сравнений и метафор, нацеленных на раскрытие авторского замысла, на анализ семантического пространства музыкального текста и включение его в культурно-исторические контексты социального бытия»* [Полонский 2012: 134].

Язык описания музыкального текста как уникальный самобытный феномен культуры не образуется сразу, он начинает постепенно обретать особенные черты вместе с формированием в России полнокровной музыкальной жизни, в период «великих путешествий», в период знакомства русского общества с музыкальной культурой Европы и открывания «полифонической сентиментальности» [Перси 2003: 277].

Огромное влияние на формирование языка описания музыкального текста оказала прежде всего музыкально-критическая деятельность В.Ф. Одоевского, по праву называемого исследователями «первым настоящим русским музыковедом». Его творчество связано с романтизмом, то есть с тем периодом, когда, по сути дела, обретала свое бытие русская критика, в формировании важнейших черт которой В.Ф. Одоевский принял самое активное участие. Его оценка музыкальных произведений выстраивалась, как известно, на требовании высокой содержательности, глубины и силы выражения, а язык его критики, отличавшийся глубокой аналитической мыслью, ясностью, живостью и образностью, был богат сравнениями и метафорами.

В.Ф. Одоевский видел связь музыки с философией, говорил, что объяснение музыки через поэзию или живопись не приводят к ее истинному пониманию: *«Ни живописью, ни поэзией вы не выразите музыки; она неопределенна, потому что есть выражение души в степени ее дальнейшей глубины»* [Одоевский 1981: 183].

Музыкально-философская концепция В.Ф. Одоевского – яркое явление в области русской аналитико-критической мысли о музыке XIX в.

Вехой в становлении языка описания музыкального текста становятся музыкальные рецензии В.В. Стасова, благодаря деятельному участию которого появилось объединение композиторов, получившее имя «Могучая кучка», и А.Н. Серова, заведовавшего музыкальным отделом в «Музыкально-театральном вестнике», журнале «Искусство» и издававшего газету «Музыка и театр».

В.В. Стасов писал, что *«у нас в России теперь уже немало людей, в самом деле любящих искусство. ...Эти люди страстными глазами следят за успехом русского художества, и считают всякий новый шаг его вперед – истинным торжеством и праздником для себя. ...Но симпатизируют новому искусству далеко не все. Напротив, большинство публики состоит у нас из людей, которым мало дела до того, что хорошо и талантливо. Им более всего нужно то, что в искусстве плохо и плоско, что в нем фальшиво, гнило и негодно. ...Между художниками для их сердец милы только те, что посредственны и бездарны; между художественными созданиями наполняют их сердца и волнуют лишь те, в которых вместо красоты присутствует смазливость, вместо правды – условность и даже полная нелепость, вместо чувства – риторика, вместо вкуса – пошлость. ... Вот в таких людях и сидит помеха всякому правдивому и талантливому искусству, в том числе и новому русскому, они бы с восторгом стерли все это с земли. А когда нельзя вовсе стереть, то хоть бы задержать и затормозить так долго, как удастся»* [Стасов 1977: 201 - 202].

А.Н. Серов в своих работах [Серов 1957] рассматривал широкий круг актуальных проблем зарубежной и отечественной музыки и выступал как пропагандист музыкального творчества. Его оценка, зачастую полемическая, всегда была аргументированной и чувствительной к национально-культурной традиции.

Начало XX в. для русской музыкальной критики стало временем больших перемен и напряжённой разработки нового языка, который не мог остаться в стороне от происходивших в стране перемен и от новых идейно-эстетических направлений. Появление новаторских произведений А.Н. Скрябина, И.Ф. Стравинского, С.С. Прокофьева сопровождалось бурными спорами и требовало иной, чувствительной ко времени аргументации и образности. Востребованными становятся политическая фразеология и метафора (*«бороться за лучшее будущее», «левацкий сумбур», «черты “мейерхольдовщины” в умноженном виде», «клянется именем социалистического реализма»*), а также метафоры движения (*«тормоз творчества»*).

Огромный вклад в разработку критической мысли внес композитор, музыковед и музыкальный критик Б.В.Асафьев. В основе большинства его высказываний лежит требование связи музыкального творчества с жизнью, с запросами широкой аудитории. Эта мысль с особой силой прозвучала в его статьях 1924 г. «Кризис личного творчества» и «Композиторы, поспешите!», вызвавших живые отклики в музыкальной печати. Работы Б.В. Астафьева «Задачи и методы современной критики», «О музыке XX века», «Современное русское музыкознание и его исторические задачи», «Кризис музыки» и др. открыли перспективы для дальнейшего развития музыкальной критики, ее способа осмысления произведения и говорения о нем.

Современная музыкальная критика отличается особым разнообразием жанров, интересом к разным аспектам музыкальной культуры. Ее особое качество - *полистилистика* - формируется благодаря работам как критиков и исследователей-специалистов музыкально-исторической и музыкально-теоретической направленности, так и публицистическим выступлениям деятелей культуры, благодаря освещению в масс-медиа вопросов музыкального образования и педагогики, биографическим очеркам об исполнителях и композиторах, многообразию тем и форм высказывания современной музыкальной критики.

В язык критики, чувствительной к «высокой», иногда излишне «слащавой» образности (*«чувства героя подобны цветам, которые лишь по ночам раскрывают лепестки, и тогда цветет сердце героя»*), врывается новое «массмедийное слово», заявляющее, иногда слишком жестко, свое мировоззрение, свой вкус и свою оценочность (*«драйв шаловливой экспрессии», «музыкальная агрессия», «Слушателя с первой же минуты ошарашивает в опере нарочито нестройный, сумбурный поток звуков. Обрывки мелодии, зачатки музыкальной фразы тонут, вырываются, снова исчезают в грохоте, скрежете и визге. Следить за этой «музыкой» трудно, запомнить ее невозможно»; «Это музыка, умышленно сделанная “шиворот-навыорот”, – так, чтобы ничего не напоминало классическую оперную музыку, ничего не было общего с симфоническими звучаниями, с простой, общедоступной музыкальной речью»*).

Современный язык описания музыкального текста обретает и такие особенности, как *языковая игра* и *интертекстуальность* (*«это сладкое русское слово “шансон”»*).

Таким образом, язык описания музыкального текста - это особый языковой феномен культуры, чувствительный к духовной традиции, а также к особенностям стилистики и «языкового вкуса», задаваемым масс-медиа.

Литература

1. Асафьев Б.В. Избр. труды в 5 тт. М.: АН СССР. Т.1: 1952.- 400 с; Т.2: 1954.- 384 с; Т.4: 1955.- 440 с; Т.5: 1957. - 388 с.
2. Курышева Т. Музыкальная журналистика и музыкальная критика. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2007. – 294 с.
3. Липская В.М. Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова [электронный ресурс] // Материалы международной конференции. Санкт-Петербург,

26-27 мая 1997 г. – СПб.: Изд-во Института Человека РАН, 1997. – Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/lipskaya/confess_18.html.

4. Одоевский В.Ф. Русские эстетические трактаты I трети XIX в. – Т.2. – М., 1981.
5. Перси У. «Не пой, красавица, при мне»: Культурная территория русского романтизма / У. Перси; [Пер. с ит. Я. Токаревой и У. Перси; Под общ. ред. А.В. Полонского]. – М.: Аграф, 2003.
6. Полонский А.В. Современность и ее текстовые парадигмы. – Рукопись. – 2012. – 186 с.
7. Серов А. Статьи о музыке. – Вып. 4. – М., 1988.
8. Стасов В.В. Тормозы нового русского искусства // Стасов В.В. Избранные статьи. – М., 1977.

А.В. Белоедова

ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В МАТЕРИАЛАХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «РУССКИЙ РЕПОРТЕР»

Массовая коммуникация не только отражает обобщенные представления о национальном характере конкретного народа, но формирует носителей языка и культуры. В силу того, что в России на сегодняшний день возникло огромное количество новых газет и журналов, принадлежащих к изданиям различного типа и разных идеологий, то российские печатные СМИ не представляют собой монолита в аспекте межкультурной коммуникации. В продвижении культурных концептов и стереотипов они, скорее, организуются в определенные оппозиционные и/или иерархические группы.

Любопытное явление в данном ракурсе представляет собой журнал «Русский репортер». Тираж издания – более 168 тыс. экземпляров, что в нашей действительности является высоким показателем. Журнал выходит четыре раза в месяц, имеет электронную версию <http://www.rusrep.ru/>, в которой осуществляется оперативная и эффективная обратная связь между журналистами и читателями. Следует отметить, что обсуждения проходят очень эмоционально и продуктивно, в результате чего становится очевидным, что русских читателей волнует не только внутренняя жизнь своей страны, но и мировые новости и проблемы. Очевидным является и другое: кредит доверия к «Русскому репортеру» очень высок. Редакционный коллектив, молодой и мобильный, постоянно проводит различные акции, мастер-классы, мероприятия в масштабах всей страны, завоеывая таким образом аудиторию. И делает это весьма профессионально. Отметим, что журнал популярен среди интеллигенции, деловых людей, учащейся молодежи.

В название журнала вынесена лексема «русский», и это неслучайно, поскольку *русский, русские, Россия, мы, наши* и под. образуют генеральное концептуальное пространство в журнале. Соответственно, действительность в «Русском репортере» трансформируется сквозь призму русской культуры. По

нашим наблюдениям, ведущий концепт в издании – концепт «русские». Существенно, что «в отличие от понятий концепты не только мыслятся, они переживаются. Они предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – это точка пересечения между миром культуры и миром индивидуальных смыслов, это сгусток культуры в сознании человека и то, посредством чего человек сам входит в культуру» [3].

Информационное поле анализируемого журнала очерчивается, прежде всего, событиями и проблемами внутрироссийской действительности. С идеологических позиций «Русский репортер» можно, по-видимому, отнести к изданиям, нацеленным на возрождение и укрепление культурных ценностей нашей страны. Международная проблематика – отнюдь не частые темы в издании, тем не менее они присутствуют и носят просветительский, образовательный характер, так как обращаются именно к тому явлению, которое вписывается в понятие национальных стереотипов и социокультурных комментариев, например, материалы об Африке или Иране: *«Африка застойна, не склонна к развитию»*, *«любовь африканцев к трансформации тела»*, *«культ предков»*, *«эпидемии»*, *«Африка всегда нуждается в помощи»* («Цивилизация работы и цивилизация радости», 16 июня 2010, №23), *чадра, исламские традиции, политзаключенные, смертная казнь, «тотальный контроль правительством жителей»* («Водка. Коран. Рок-н-ролл. Крики о жизни и смерти из иранского подполья», 24 марта 2010, № 11).

Форсирование национально-специфических концептов, на первый взгляд, представляется конфронтационным, нарушающим требования политкорректности. Однако, как отмечает профессор С.Г. Тер-Минасова, «при всем своем схематизме и обобщенности стереотипные представления о других народах и других культурах подготавливают к столкновению с чужой культурой, ослабляют удар, снижают культурный шок» [4]. Публикации свидетельствуют, что отталкиваясь от стереотипов, журналисты «Русского репортера» подготавливают читателя если не к приятию, то к пониманию иной культуры. Например, так объясняются культурные традиции Африки:

«Что касается любви к трансформации тела, то она распространена и в нашей культуре — вон сколько тату- и пирсинг-салонов. В традиционных африканских культурах это важные социальные знаки. Допустим, насечки на лице могут маркировать этническую принадлежность, татуировки — статус женатого человек» («Цивилизация работы и цивилизация радости», 16 июня 2010, №23 (151)).

Иногда культурные картины мира, понимаемые как отражение реальной картины мира через призму коллективных и индивидуальных понятий, настолько не совпадают, что образуется «барьер культур» [4]. Журналисты «Русского репортера» обращаются и к подобным, «шоковым», материалам, например, «Уганда: жертвоприношение. Почему в XXI веке растет количество ритуальных убийств детей» (16 июня 2010, №23). Отметим, что журналисты «Русского репортера» сопровождают шокирующие материалы подробным социокультурным комментарием, необходимым для того, чтобы сгладить конфликт культур, объяснить корни тех или иных традиционных ритуалов, а также

обратиться к современному общественно-политическому и экономическому укладу страны. Отметим, что освещая болезненные и злободневные инокультурные ситуации, журналисты «Русского репортера» используют такие способы языкового выражения, которые исключают попытки задеть чувства и достоинства индивидуумов других наций, ущемляющих их общечеловеческие права.

Фокус информационного внимания на внутрироссийских проблемах отнюдь не значит, что межкультурная проблематика оказывается на периферии издания. Россия является многонациональным и многоконфессиональным государством, она открыта для миграционных потоков и др., поэтому «обоюдный код» необходим для толерантного проживания народов внутри страны. Отметим публикацию в журнале, обращающую внимание на патриархальные традиции в Ингушетии и Чечне:

Почти каждый мужчина каким-то боком соприкасался с кровной мстью – слышал от родственников, соседей, ходил на примирения. Обычный чеченец гораздо чаще сталкивался с этой практикой, чем обычный русский с официальным судопроизводством. В последние годы кровная мсть стала пиар-феноменом — на нее ссылаются, когда хотят объяснить любое кавказское убийство. При этом кровная мсть остается вещью в себе. Но как все это на самом деле устроено? Что такое кровная мсть - по традиции и в реальных современных обстоятельствах?» («Вайнахская вендетта», 24 февраля 2010, №7).

Обращаясь к подобному деликатному вопросу, авторы статьи предлагают аудитории этнокультурный и исторический экскурс, толерантный комментарий с тем, чтобы вызвать желание понять традиции других культур.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1990. С. 26
2. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 320 с.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М., 2001
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – 2-е издание, доработанное. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.

А.С. Готадзе

ПРЕСС-РЕЛИЗЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ PR-КОММУНИКАЦИЙ

В условиях стремительного развития информационных технологий и средств массовой коммуникации правительственные организации усиливают информационную транспарентность – становятся открытыми для взаимодействия с общественностью, повышая лояльность и доверие аудитории.

Консерватизм принципов написания материалов сочетается с прогрессивными способами донесения информации до целевого потребителя. Показательны в этом плане медиарилишенз Парламента и Министерства образования Великобритании, которые будут рассмотрены в данной публикации. Основной площадкой для взаимодействия с журналистами и широкой общественностью для данных государственных учреждений являются прежде всего официальные интернет-порталы <http://www.parliament.uk/> и <http://www.education.gov.uk>, а также сопряжённые с ними аккаунты в социальных сетях Twitter и Facebook.

В своих PR-коммуникациях государственные организации Великобритании прибегают к активному использованию оперативно-новостных жанров, в частности, пресс-релизу. Пресс-релиз (от англ. press release) традиционно рассматривается как основной жанр PR-текста, содержащий предназначенную для прессы актуальную оперативную информацию о событии, касающемся базисного субъекта PR. Жанровое своеобразие пресс-релиза состоит в предельной конкретизации пространственно-временных рамок события. Специфика пресс-релиза заключается в его монотемности и строгой передаче данных о месте, времени и характере повествуемого события [1, 38]. Функциональное назначение и тематическое наполнение пресс-релизов каждого отдельно взятого государственного учреждения обусловлено спецификой его деятельности и возлагаемыми на него обязательствами.

Парламент Великобритании разделен на Палату Общин – демократически избираемый орган власти, участвующий в законодательном процессе и контролирующей работу Правительства – и Палату Лордов – совещательный орган, редактируемый законопроекты [2, 32]. Обозначенной организацией политической системы обусловлена и структура связей с общественностью Парламента. Пресс-служба Парламентской ассоциации Содружества в Великобритании (Commonwealth Parliamentary Association UK Branch) отвечает за коммуникацию с прессой от лица Парламента в целом, без дифференциации на его политические силы. Помимо этого, каждая из палат Парламента Великобритании имеет независимую пресс-службу и коммуницирует с журналистами и широкой общественностью исходя из своих политических функций, целей и направленности взглядов.

Целью пресс-релиза является распространение актуальной информации.

Специфика жанра обуславливает объем пресс-релизов Парламента Великобритании, не превышающий двух страниц, из которых на первой странице располагается непосредственно сам событийный текст, а на второй – контактные данные лиц, уполномоченных давать комментарии по данному вопросу, а также реквизиты организации и короткая справка о деятельности Парламента или одной из его Палат, выпустившей данный PR-текст. Пресс-релиз Парламента Великобритании оформляется на фирменном бланке, имеет жанровую идентификацию «press release» или «press notice», заголовок, концентрированно передающий суть новостного события, и лид – расширенный вариант заголовка. Текст пресс-релизов Парламента Великобритании строится по традиционному принципу «перевернутой

пирамиды»: каждый последующий абзац представляет собой конкретизацию и иллюстрирование обозначенной в заголовке информации.

Данные структурные и композиционные принципы справедливы как для пресс-релизов Парламента Великобритании в целом, так и для PR-текстов этого жанра каждой из Палат Парламента в отдельности. Основными функциями пресс-релизов британской ветви Парламентской ассоциации Содружеств является информирование о процессах, происходящих в данном государственном органе, а также поддержание и укрепление имиджа Парламента Великобритании как фундаментальной основы демократии и защиты прав человека. Зачастую в пресс-релизах анонсируются визиты делегации Парламента Великобритании в дружественные государства, начало или окончание очередной парламентской сессии, участие в международных конференциях и др.

К функциональному назначению пресс-релизов Палаты Общин и Палаты Лордов помимо информационной роли и функции формирования и поддержания имиджа можно отнести фатическую миссию, направленную на поддержание контакта с целевой аудиторией и удерживание уровня её вовлеченности, а также функцию убеждения – например, в целесообразности внесения тех или иных законодательных поправок.

Тематика пресс-релизов Палаты Общин и Палаты Лордов определена политическими функциями данных структур. Палата Общин как законотворческий орган выпускает пресс-релизы по случаю принятия тех или иных поправок к законодательным актам, а также утверждения назначения на политический пост нового кандидата. Предметом отображения пресс-релизов Палаты Лордов являются встречи и конференции членов Палаты с представителями подотчетных структур, в ходе которых контролируется эффективность работы последних. Регулярно проходят круглые столы с участием ведущих экспертов из разных областей (экономика, юриспруденция, топ-менеджмент международных корпораций), призванные найти оптимальные пути решения возникающих проблем (сокращение издержек, оптимизация расходов природных ресурсов, сокращение уровня безработицы), что также отражается в пресс-релизах.

Министерство образования Великобритании сосредоточено на вопросах, затрагивающих британских граждан в возрасте до 19 лет, в том числе вопросы защиты детей и образования, а также несет прямую ответственность за состояние школ в Англии. Своей миссией Министерство видит в построении (*здесь и далее перевод наш – А.Г.*) «высокообразованного общества, в котором каждый представитель нового поколения получает одинаковые возможности для успешного развития, независимо от семейных и прочих обстоятельств» [3].

Пресс-релизы Министерства Образования отличает большой по сравнению с аналогичными PR-текстами Парламента объем (достигает 2,5-3 страниц, включая контактные данные и краткую справку по теме для журналистов), обилие статистических данных и таблиц с показателями динамики прогресса по тому или иному вопросу, находящемуся в юрисдикции Министерства. На наш взгляд, это объясняется узкой специализацией данного

государственного учреждения, что и обуславливает конкретизацию предоставляемой информации. В то время как пресс-релизы Парламента в большей степени «реактивны» и представляют собой описание прошедших событий или анонс грядущих, тексты Министерства образования делают акцент на показателях и статистике, которую Парламент черпает из PR-текстов для написания государственных отчетов.

Среди стандартного наполнения пресс-релизов Министерства образования Великобритании (стратегическое планирование, публичные выступления министра, закупка оборудования, расход бюджетных средств) следует выделить поздравления победителей и участников многочисленных олимпиад, анонсирование конкурсов для стимулирования молодого предпринимательства и ярмарок вакансий, стажировки в международных корпорациях, сотрудничающих с Министерством, помощь и защита детей, курс образовательных реформ и изменений и др. В структуре пресс-релизов стоит выделить наличие фотографии-иллюстрации, помещаемой в начале текста, чего мы не наблюдаем в пресс-релизах Парламента. В остальном структура пресс-релиза традиционна и совпадает со структурой аналогичного PR-текста Парламента Великобритании: жанровая идентификация, заголовок, дата, лид, основной текст, контактные данные, вариативно – краткая справка по предмету текста.

Подводя итог, отметим, что общими характеристиками для пресс-релизов рассматриваемых государственных учреждений является структура данного вида PR-текста и сдержанный консервативный стиль написания; активное использование современных средств массовой коммуникации для передачи текстов; их высокая информационная прозрачность и непрерывное поддержание уровня вовлеченности аудитории.

Различия проявляются в функциональном и тематическом планах, что обусловлено в первую очередь спецификой деятельности каждого конкретного государственного учреждения. В виду меньшей политизированности тексты Министерства образования Великобритании лишены убеждающей функции, выполняя преимущественно информационную и отчетную роль. Отличительной их особенностью является наличие максимально конкретизированной информации о деятельности Министерства: тексты содержат большое количество статистических данных, сравнительной инфографики, в то время как тексты пресс-релизов парламента носят в большей степени событийный или анонсирующий характер.

Литература

1. Кривоносов, А. Д. [Текст] PR-текст в системе публичных коммуникаций // А.Д. Кривоносов. – 2-е изд., доп. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2002. – 288 с.
2. Избранные конституции зарубежных стран: учеб. пособие [Текст] / Отв. ред. Б.А. Страшун. – М.: ИД Юрайт, 2011. – 795 с.
3. Department of Education [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.education.gov.uk/>.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИРА «СВОИХ» В ПУБЛИЦИСТИКЕ В.А. ПЬЕЦУХА

Внимание российской общественности в условиях усиливающихся процессов глобализации сегодня обращено к вопросам национального самосознания, осмыслению места России и русского человека в мировом общественно-политическом и культурном пространстве. В этом процессе немаловажную роль играет публицистика как самобытная творческая форма, особенностью которой является открытость «голосу современности» и «злобе дня» [Прохоров 1984: 51], как «форма полемического социального диалога» [Полонский 2009: 79].

При описании процессов, происходящих сегодня в публицистике, необходимо отметить, что значительное влияние на них, как и на культуру в целом, оказал постмодернизм, подвергший критике все теории и концепции, *«претендующие на единоличную репрезентацию истины, монополизм в сфере познания»* [Скоропанова 2001: 13].

Современная российская публицистика пытается определить границы «своего» и «чужого» и осознать особенности «русской одухотворенности» (А.В. Полонский) в контексте поликультурного мира, поэтому центральным мотивом публицистического и литературного творчества многих авторов становится «русская тема».

В фокусе нашего исследования находится публицистика Вячеслава Пьецуха – одного из самых ярких авторов, формирующих характер современного общественного диалога. Базовой в его творчестве становится культурологическая оппозиция «свой – чужой». Она становится своего рода «ключом» для осмысления особенностей русской культуры и русского человека.

Мир «своих» публицист представляет как мир русских людей, или, как он сам их называет, **«русакон»**, то есть тех, кто родился и вырос в России, является носителем и наследником ее культуры, живет по ее нравственным законам, обладает особенностями характера русского человека. Противоположный ему мир **«чужих»** - это, прежде всего, мир людей, не только территориально, но и духовно «удаленных» от мира «русакон». В публицистических произведениях Вячеслава Пьецуха это, в большей степени, представители стран Западной Европы и Соединенных Штатов Америки.

Прием сопоставления, конечно, не нов для русской литературы и публицистики, однако сопоставление России с другими странами у В.А. Пьецуха – это не столько сравнение, демонстрирующее ее превосходство над ними, сколько сравнение, демонстрирующее самобытность, необычность, парадоксальность России и людей, являющихся носителями русской культуры, по судьбам которых тяжелым шагом прошла русская история.

Так, в эссе «Сравнительные комментарии к пословицам русского народа», опубликованном в 2002 году, Вячеслав Пьецух пишет: *«Кто в море не бывал, тот Богу не маливался»*, то есть кто в России не жывал, тот жизни

не видал». И далее: «Россия такая оригинальная страна, что в ней все единственно и самобытно, как междометие “ё-моё”».

В его публицистике и прозе он продолжает шукшинскую традицию представления разнообразных социальных типов. В.А. Пьецух показывает в характерах своих персонажей непредсказуемую смесь агрессивности и великодушия, злопамятности и самопожертвования, воровства и широты натуры, смирения и бунтарства, аскетизма, - и в этом публицист видит особенность, беспрецедентность уклада русской жизни и самобытность русского национального характера.

Сопоставление «своих» и «чужих» приводится на основе сравнения исторического прошлого русского народа с историческим прошлым народов Запада, некоторых ценностей, современного уклада жизни и стереотипов поведения. Вячеслав Пьецух в эссе «Русаки» называет русский народ «находчивой бестией», приписывает ему такие качества, как *неуравновешенность* («Через свою неуравновешенность мы можем совершенно разоружиться в течение суток, а можем в течение суток выслать за Полярный круг какой-нибудь особо строптивый этнос, который не желает соответствовать точке зрения русака...»), *изобретательность* («Через свою изобретательность мы додумались до личной всемирности, рыбного дня, экономной экономики, интеллигентности и души, то есть до таких отвлеченностей, которые могут даже и напугать...»), *творческое начало* («...Мы народ вообще художественный, мы и живем-то так, точно прозу пишем, а не живем»), *незаурядность ума* («...Не найти в Европе более неопрятного существа, чем русский крестьянин и более страшной институции, чем русская деревня, а все потому, что наш мужик чересчур умен. Китайцы в таких случаях говорят: “Если детей нет, кровать в этом не виновата”. И точно: на Руси ежели умен, то по обыкновению нищ и наг»), и наконец, *чувство собственного достоинства* («...Это чувство не смогли вытравить ни практика телесных наказаний, ни дух самодержавия, ни беззаконие, ни всезависимость от чужой воли – под него только подкопались большевики. А помещика наш хлебопашец даже считал узурпатором и похитителем угодий, поскольку он от века стоял на том, что земля Божья, грибы ничьи»).

Анализируя особенности репрезентации мира «своих» в публицистике Вячеслава Пьецуха, можно разделить эту категорию на «свои» со знаком «плюс» и «свои» со знаком «минус». К первой из них относятся понятия о русском человеке как носителе русской культуры, о русском характере, русской литературе, русской интеллигенции как феномене, аналога которому нет в мире, и русской женщине.

Характер русских людей, или «своих», Вячеслав Пьецух представляет как совокупность противоречий, совмещение несовместимого, иррациональность, по сравнению с рациональностью людей Запада, или «чужих»: «...Русаки не признают Горациеву «золотую середину» и любят крайности, как никто. Наши уж если пьют, то до положения риз, если воюют, то до последнего человека, если любят, то до самозабвения, если проигрываются, то в прах. Та же мода у нас наблюдается и по общественной

линии: то мы существуем на положении белых рабов, и главное органично существуем, то нам подавай царство Божие на земле».

Образ русских Вячеслав Пьецух представляет как образ «причудливой нации», причем это определение несет в себе скорее положительный смысл. «Культурному русаку», как пишет публицист, от любви к чтению свойственная «разнузданная мечтательность». То есть, образ «русака» предстает перед читателем как образ бескорыстного, великодушного и несколько возвышенного человека, своего рода философа («Вообще русские – народ не торговый, и коммерческая жилка не входит в наш генетический набор».

Вячеслав Пьецух представляет «своих», с одной стороны, как благородный народ, с другой – как народ, которому свойственны такие черты, как пьянство и воровство. Однако поскольку «русака» имеет свойство сочетать в себе несочетаемые, противоречащие друг другу качества, то автор рисует образ «русака» с его достоинствами и недостатками, которые зачастую оправдывает: политическим устройством государства, историческими событиями, которые повлияли на его мировоззрение, социально-экономическим неблагополучием, которое исказило моральный облик «русака». («...Русский человек вообще и русский вор в частности настолько широки в моральном отношении, что, как правило, соединяют в себе, казалось бы, несоединимые качества, например, увлечение певчими птицами и способность зарезать соседа ни за понюх табаку, что русский вор до такой степени изошрился, что даже может воровать, а может не воровать. Дело-то как раз в том, что наше общество и наша государственность издревле устроены таким образом, что не захочешь, а украдешь»).

Как пишет В.А. Пьецух, переход к рыночным отношениям повлек за собой смену ценностей, которая отразилась не только на межличностных отношениях, но и на профессиональных: «Сейчас вместо “подлеца” во всем мире фигурирует коммерсант, посредник, специалист по работе с общественностью, парламентарий, оппозиционер, астролог, народный целитель и хиромант; в свою очередь, место подлости повсюду занимают, например, трезвый расчет, акцент на норму прибыли, партийные склоки по более-менее мирному образцу... И вот уже каждый третий министр – вор, чиновничество мздоимствует, как зубы по утрам чистит, генералы продают “налево” вооружение, в милиции полно уголовников, и законодатели дубасят друг друга по головам».

Вячеслав Пьецух называет русский способ существования таинственным, сравнивая его с физическими законами, где «свои» живут «некоторым образом вопреки»: «вопреки губительным нашествиям, вечным неурожаям, климату, противопоказанному европейцу, диким ухваткам наших руководителей».

Особое место в публицистике В.А. Пьецуха занимает **образ русской деревни**, которая зачастую олицетворяет всю Россию, поскольку в деревне, в отличие от города, сохранился традиционный уклад русской жизни, зачастую забытые традиции нации, нравственные ценности. Деревня в публицистике Вячеслава Пьецуха выступает как едва ли не единственная хранительница этих

ценностей, предстает как «волшебное учреждение», «само человеколюбие» и «чистая благодать».

Как одна из главных ценностей «своих» в публицистике Вячеслава Пьецуха представлена **русская культура**, впитавшая в себя многовековой опыт бытования русского народа, хранящая нравственные ориентиры, вмещающая величайшие гуманистические ценности.

Вячеслав Пьецух большое внимание уделяет **словесности**. «Российская словесность, - пишет он, — уникальное явление в контексте мировой культуры; ты хоть всего Стендаля прочитай, все равно не скажешь, как, в конце концов, отзовется на французской кухне пожар Москвы, а у нас из точки с запятой (между прочим, знака препинания, неведомого в прочих языках мира) можно вывести крушение всех начал».

Еще одним хранилищем традиционных ценностей публицист называет **русскую женщину**, напоминая читателю об образах из классических произведений отечественной литературы, ассоциируя образ русской женщины с ними.

К категории «своих» со знаком «минус» можно отнести бизнесменов, а также людей, стремящихся к достижению власти любым путем. Эти категории образов представлены читателю со знаком «минус», однако тоже относятся к «своим», поскольку родились в русской среде, воспитывались в русской культуре и на русской литературе, принадлежат к русскому этносу и зачастую обнаруживают ту же противоречивость, неоднозначность и непредсказуемость, что и «свои» со знаком «плюс».

Таким образом, важнейшим «когнитивным ключом» публицистики В.А. Пьецуха является культурологическая оппозиция «свой – чужой», позволяющая осмыслить место России и русского человека в современном мире. В качестве преобладающих ценностей мира «своих» выделяются образы русской литературы, русской деревни, русской женщины, русской словесности, русской интеллигенции и русского писателя.

Литература

1. Полонский А.В. Сущность и язык публицистики. – Белгород: ПОЛИТЕРРА, 2009. – 238 с.
2. Прохоров Е.П. Искусство публицистики. – М.: Советский писатель, 1984. – 360 с.
3. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. – СПб.: Невский Простор, 2001. – 416 с.

Э.О. Сазонова

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЖУРНАЛОВ «СТУДЕНЧЕСКИЙ МЕРИДИАН» И «L.A. YOUTH»

Молодёжная журналистика – самостоятельное звено общей системы средств массовой информации. Она приобщает свою аудиторию к интеллектуальному и духовному потенциалу общества, является важным

каналом передачи информации от старшего поколения к младшему и одновременно средством коммуникации, позволяющим общаться друг с другом. Однако, как показывает анализ научных работ, посвященных молодёжной прессе, данная тема разработана недостаточно.

Одним из наиболее авторитетных изданий, специализированных на молодёжной тематике, считается журнал «Студенческий меридиан» - публицистический, научно-популярный и литературно-художественный молодёжный журнал, образованный в 1924 г. под названием «Красная молодёжь» (1924 - 1925). Сегодня тираж «Студенческого меридиана» составляет 12 000 экземпляров.

Одним из наиболее популярных американских изданий, предназначенных для молодежи, является газета “L.A. Youth”, которая издаётся с 1988 г. Слоган газеты “the newspaper by and about teens” указывает на то, что данное издание создается самими представителями молодёжи.

Для выявления признаковой базы исследуемых медиаобразов и их сопоставления мы использовали метод контент-анализа, результаты которого представили в таблицах.

В первую очередь, мы рассмотрели тематическую направленность материалов.

Результаты исследования тематической направленности материалов указывают на то, что в российском молодёжном журнале доля публикаций на темы жизнь знаменитых людей (24%) и новости шоу-бизнеса (19%) необыкновенно велика. Учеба в университете волнует молодых российских журналистов меньше, однако и ей посвящена значительная часть публикаций (11%). Тема жизни российской молодёжи и тема науки рассматриваются в равной степени – по 8% публикаций, а тема работы и трудоустройства молодых людей занимает только 3%. Присутствуют, конечно, и другие темы. Необходимо назвать такие, как вопросы психологии и самопознания, отношения между полами (по 2%). Публикаций, посвященных таким темам, как спорт, стиль и мода, молодёжь и политика, чрезвычайно мало - 1%. Тема экологии вообще не нашла места на страницах данного издания.

В американском журнале большая часть материалов посвящена таким темам, как психология и саморазвитие (15%), хобби и досуг (18%), учеба в колледже (12%), экология (9%), отношения между полами (9%). Не остаются в стороне и такие темы, как культура, роль молодёжи в политике и общественной жизни, здоровье молодых людей (по 7%). В меньшей степени в газете отражены такие темы, как электроника и технологии (5%), работа и трудоустройство (2%), стиль и мода (2%). Не нашли на страницах данного издания места статьи по следующим тематическим направленностям: новости шоу-бизнеса, наука и естествознание, интервью и жизнь знаменитых людей.

Заметим, что в американском издании шире, чем в российском, представлены публикации на темы веры, религии, места человека в современном мире. Проблематика национально-этнического характера в российском журнале практически отсутствует, в то время как в американском «LA Youth» она представлена. Это связано и с тем, что некоторая доля

материалов данной газеты посвящена вопросам расовой дискриминации и психологическим проблемам молодых людей («Do I belong here?»; Sept.2012»).

Нам было интересно проанализировать характер репрезентации тем в исследуемых изданиях. Результат этого анализа приведём в следующей таблице.

	«L.A. Youth»		«Студенческий меридиан»	
	кол-во	доля	кол-во	доля
информационный	20	33%	95	59%
духовно-идеологический	13	22%	9	6%
национально-этнический	5	8%	0	0%
развлекательно-юмористический	4	7%	11	7%
научно-познавательный, культурологический	4	7%	32	20%
нравственный, семейно-бытовой	10	17%	9	6%
политико-управленческий	3	5%	0	0%
нормативно-правовой	1	2%	5	3%
Итого	60	100%	161	100%

Проведенный анализ характера тематической репрезентации показал, что информационный аспект в большей степени представлен в российском журнале (59%), в то время как в американском издании он составляет лишь треть всех представленных материалов (33%). Однако духовно-идеологический аспект в американской газете для молодежи значительно выше (22%), чем в российском молодежном журнале.

Развлекательно-юмористический аспект присутствует в некоторой степени в обоих изданиях (7%).

Значительную долю в «Студенческом меридиане» имеет научно-познавательный и культурологический аспекты (20%), тогда как в «LA Youth» этот аспект представлен значительно меньше - 7%.

Мы обратили внимание также на характер оценочности. Его анализ представлен в следующей таблице.

	LA Youth		Студенческий меридиан	
	кол-во	доля	кол-во	доля
Репрезентативный	38	63%	107	67%
Позитивный	13	15%	48	29%
положительный с элементами критики	0	0%	0	0%
Критический	0	0%	0	0%
Проблемный	9	15%	6	4%
Итого	60	100%	161	100%

Из приведенной выше таблицы следует, что большинство публикаций, как в российском, так и в американском издании, носит репрезентативный характер (63% - 65%). Это свидетельствует о том, что большая часть материалов стремится к объективности и выполняет фактографическую функцию. Большая часть публикаций в обоих изданиях имеет позитивную оценочность: 22% в «L.A. Youth» и 9% в «Студенческом меридиане» («Better than I expected». May-June 2012; «Возрождение волонтерства». 02.2012, статья выпускника биологического факультета МГУ «О профессии с восторгом» и др.).

Публикаций с критической направленностью в изданиях 2012 г. мы не встретили.

Что касается проблемных публикаций, то «L.A. Youth» их доля больше чем в «Студенческом меридиане» (15% и 4% соответственно). В проблемном ключе в американской молодежной газете рассматриваются темы расовой дискриминации («Do I belong here?; Sept.2012»), вопросы религиозных верований («In defense of my faith»), вопросы экологии («We deserve safe parks; Oct.2012»).

Проведенное исследование показало наличие существенных предметно-тематических различий между молодежными изданиями – российским «Студенческим меридианом» и американским «L.A. Youth».

Литература

1. Жилавская И.В. Медиаобразование молодежной аудитории. – Томск.: ТИИТ, 2009. – 204 с.
2. Юртаева Н.А. «Молодежная пресса: динамика развития (на примере журналов «Юность» и «Ровесник») // <http://www.twirpx.com/file/243017/>
3. Носова Ю.А. «Студенческий меридиан»: Трансформация типа издания. http://www.unrussia.ru/sites/default/files/doc/youth_in_Russia_Executive_Summary_rus.pdf

БЛОГОСФЕРА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ТОПИКОВ

В исследовании предпринята попытка рассмотреть особенности ретроспективной рефлексии, репрезентированной в блогосфере российских эмигрантов последних лет.

Актуальность исследования определяется тем, что Россия сегодня активно проводит политику формирования «русского мира», следовательно, эмиграция является фактором, во многом определяющим развитие страны. По словам экспертов, ежегодно Россию покидают 100-150 тысяч человек. По последним данным, с начала 2000-х гг. из России уехали более 2,5 млн чел., подавляющее большинство из них – молодые профессионалы с высшим образованием. Особенно резко поток эмигрантов усилился в последние 3 года.

Объектом нашего мониторинга стали блоги на LiveJournal, Blogs.Mail.ru и LiveInternet.ru. В ходе нашего исследования было проанализировано около 100 различных блогов эмигрантов из России, живущих в США, Великобритании, Австралии, Канаде, Германии. Выбор блогов был не случайным. Как показывает практика, эти страны считаются наиболее предпочтительными для эмиграции.

Эксперты утверждают, что эмиграционные настроения очень высоки и возможности уехать самые большие. Причем последние годы, по их словам, главной причиной отъезда становятся не экономические проблемы, а политические, общее недовольство положением дел в стране. Политолог Дмитрий Орешкин говорит о том, что эмиграция россиян последних лет – это не эмиграция в полном смысле слова. По его мнению, молодые энергичные россияне уезжают за рубеж на время: кто-то едет получить образование, кто-то поработать или просто поехать по свету. И как говорит, Дмитрий Орешкин, многие уезжают не навсегда, но «просто забывают вернуться», в свете объективных причин. «Возвращены» - такой «термин» популярен в эмиграционной среде.

В своем исследовании мы попытались проверить это положение и ответить на следующие вопросы:

- Почему те или иные люди задумались об эмиграции?
- Что думают эмигранты о своей родине и стране, где они живут в настоящее время?
- По какой причине некоторые эмигранты хотели бы вернуться назад?

Самая распространенная тематика блогов касается повседневной жизни: авторы блогов размышляют о бытовых условиях, уровне жизни, работе, образовании, местном населении и местных законах. Зачастую все эти наблюдения так или иначе являются отражением внутреннего переживания автором своей эмиграции, его попыткой найти ответ на вопрос о правильности осуществленного выбора.

Авторы блога «Marazmad» живут в США, в пригороде Бостона. В своих

постах они делятся с читателями деталями жизни и особенностями адаптации в стране: *«Не так давно нам пришлось немножко, бочком, коснуться великой судебной системы США. Все же знают, что это страна юристов и адвокатов. Теперь и у нас этому есть подтверждение»; «Много всего происходило за этот месяц, не было даже времени что-то писать. Но самое важное событие, конечно, то, что мы съездили на родину».*

В блоге «Неуемная жажда жизни» автор делает подробные и интересные отчеты о посещаемых ею достопримечательностях, много фотографирует и размещает в блог: *«Адаптацию считаю завершенной. У меня она завершилась как только работа была найдена. Началась обычная жизнь. С делами и заботами. Уже не особо что то удивляет. Воспринимается всё достаточно спокойно. Работа как работа, особых отличий от России не вижу, всё также - с утра митинг о текущем положении дел, и потом за работу»; «По Санкт-Петербургу очень скучаю, по родителям, родственникам, друзьям. Благо современные технологии радуют и часто по скайпу со всеми болтаю. Следующим летом в гости в Россию только поеду. Пока не пришло еще время, хоть и соскучилась».*

Автор блога «Покорение Америки» утверждает, что его цель – проверить существование Американской мечты. В качестве критерия успешности он выбрал сумму в один миллион долларов, который желает заработать 100% честным способом: *«По количеству способов просить милостыню, как и по количеству профессиональных нищих, Нью-Йорк, без сомнения – один из ведущих городов планеты»; «В Америке никого не интересует какой ты умный. Только то, что ты можешь предложить».*

Блог «Записки эмигранта (иностранного агента)» – это блог о жизни русского эмигранта в Великобритании, который больше пяти лет живет и работает в Лондоне: *«Валить хотят все больше и больше... Я всегда очень осторожно отвечаю на письма и комментарии потенциальных эмигрантов. Не потому что "Лондон-не-резиновый", а потому что переезд в другую страну - это дело ответственное. И не всем эмиграция одинаково полезна».*

Блог «Записки на кленовом листочке» адресован друзьям, родным и близким автора, который живет в Канаде: *«Сейчас, оглядываясь назад, думаешь - а правильно ли поступил, верный ли был выбор. И однозначно приходит ответ - ДА!!! Пожалуй, это тот, один из немногих жизненных выборов, когда понимаешь, что ни одного дня не жалел о том что поступил именно так!!! Конечно же, были и есть определенные трудности и проблемы, как общего так и личного плана, а куда без них... :)».*

Проведенный нами анализ топиков позволяет говорить о том, что большинство авторов блогов считают, что сделали правильный выбор, решившись на эмиграцию, несмотря на все сложности, возникающие на своем пути. Авторы блогов, в своем большинстве, считают, что когда в России начнут соблюдаться законы и появятся реальные возможности для самореализации, тогда они хотели бы вернуться на родину.

В настоящее время эксперты сходятся во мнении, что эмиграция представляет реальную угрозу для общества, так как становится национальной

идеей. Ведущий программы «Археология» на радио ФИНАМ FM – Сергей Медведев в своем блоге пишет так *«Я кажется, нашел национальную идею. Она заложена в анекдоте про собрание колхозников, которое решает, что делать с неожиданно полученной прибылью. Предложений масса, но все ждут слова авторитета, деда Михалыча. Дед долго молчит и наконец изрекает: «Фанэру купить». «Как фанэру, зачем фанэру?» «Купить фанэру, построить ероплан и улететь из этого колхоза к такой-то матери».*

«Тема эмиграции стала одной из форм национального самоопределения: как у других стран собственная идентичность осознается через оппозицию «мы» и они», так в России она выявляется через «ехать» или «не ехать» — русский вариант гамлетовской дилеммы»

«Уезжать из страны или нет?» – вопрос трудный, можно найти аргументы «за» и «против». Тот, кто ответил «за», пытается оправдать себя за счет общеизвестных аргументов. Тот, кто ответил «против», возможно, и осуждает эмиграцию, но, как показывает анализ блогов, он иногда задумывается о том, чтобы перейти на сторону ответивших утвердительно.

В любом случае, вопрос об эмиграции требует своего внимательного рассмотрения.

Литература

1. Акопов А.И. «Веб 2.0» как явление и как проблема [Электронный ресурс]/ А.И. Акопов // Новое в массовой коммуникации. Альманах. Вып. 1-2 (64-65) / Отв. ред. В.В. Тулушов. – Факультет журналистики ВГУ. – Воронеж, 2007. – С. 8 – 14.
2. Полунин А. Эффект путинского 10-летия: Люди поумнее бегут из России [Электронный ресурс] // Свободная Пресса. 3 февраля 2011 г. – Режим доступа: <http://www.svpressa.ru/politic/article/38282/>.
3. Радио Финам fm 99.6 [Электронный ресурс] / С. Медведев // Фанерное счастье. Эмиграция как национальная идея/Авторская колонка. 6 апреля 2011 г. – Режим доступа: <http://finam.fm/post/141/>

Список блогов

1. Демоскоп Weekly [Электронный ресурс] / Свидетельство о регистрации СМИ Эл. № ФС77-39707 от 07.05.2010г. – Режим доступа: <http://www.slovari.gramota.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
2. Сообщество в Живом Журнале [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pora-valit.livejournal.com>, свободный. – Загл. с экрана.
3. Коммуникационная группа Innovation PR and Branding [Электронный ресурс] / Электрон. дан. — Коммуникационная группа G3 Professional Media Research & Analytics, 2013. – Режим доступа: <http://www.g3-group.ru/projects>, свободный. – Загл. с экрана.
4. Блог «Marazmad»), 2010. – Режим доступа: <http://www.marazmad.livejournal.com/?skip=10>, свободный. – Загл. с экрана.
5. Блог «Неуемная жажда жизни», 2008. – Режим доступа: <http://www.samozvanka.blogspot.ru/2011/11/blog-post.html>, свободный. – Загл. с экрана.
6. Блог «Покорение Америки», 2007. – Режим доступа: <http://www.1stmillion.org/about/>, свободный. – Загл. с экрана.
7. Блог «Записки эмигранта (иностранный агент)», 2005. – Режим доступа: <http://www.moscowlondon.livejournal.com/>, свободный. – Загл. с экрана.
8. Блог «Записки на кленовом листочке», 2008. – Режим доступа: <http://www.bond045.blogspot.ru/>, свободный. – Загл. с экрана.

О Б А В Т О Р А Х
ОПОЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Wanda Laszczak –

Prof. Dr. Hab., kierownik Zakładu Literatury i Kultury Rosyjskiej Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Opolskiego.

Natalia Danecka –

absolwent UO, Magister Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Opolskiego.

Marek Wręczycki –

absolwent UO, Magister Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Opolskiego.

Danuta Zagrodnik –

absolwent UO, Magister Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Opolskiego.

Joanna Żółtowska –

absolwent UO, Magister Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Opolskiego.

**БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Андрей Васильевич Полонский –

доктор филологических наук, профессор кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики НИУ «БелГУ», руководитель магистерской программы «СМИ и межкультурная коммуникация».

Галина Петровна Андриевская –

соискатель кафедры русского языка и методики преподавания НИУ «БелГУ».

Анна Викторовна Белоедова –

соискатель кафедры журналистики факультета журналистики НИУ «БелГУ».

Ольга Викторовна Григорова –

магистрант факультета журналистики НИУ «БелГУ» (магистерская программа «СМИ и межкультурная коммуникация»).

Алиса Сергеевна Готадзе –

магистрант факультета журналистики НИУ «БелГУ» (магистерская программа «Коммуникативистика и связи с общественностью»).

Эльвира Олеговна Сазонова –

магистрант факультета журналистики (магистерская программа «СМИ и межкультурная коммуникация»).

Мария Александровна Смородина –

магистрант факультета журналистики (магистерская программа «СМИ и межкультурная коммуникация»).

**«ПОЛЬША - РОССИЯ:
ПАРАДИГМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ»**

**Международный научный семинар
молодых исследователей**

Опольский университет,
г. Ополе (Польша),
7 марта 2013 г.

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ

Отпечатано в ООО Издательско-полиграфический центр
«ПОЛИТЕРРА»

На обложке:

г. Ополе. Польша (фотография А.В. Полонского)

Подписано в печать. 26.11.2013 г.

Усл. п.л. 3,3. Тираж 500 экз. Заказ 1079.

г. Белгород, пр. Б.-Хмельницкого, 137, корпус 1, офис 357

Т. 35-88-99*401, 8 910 360 14 99